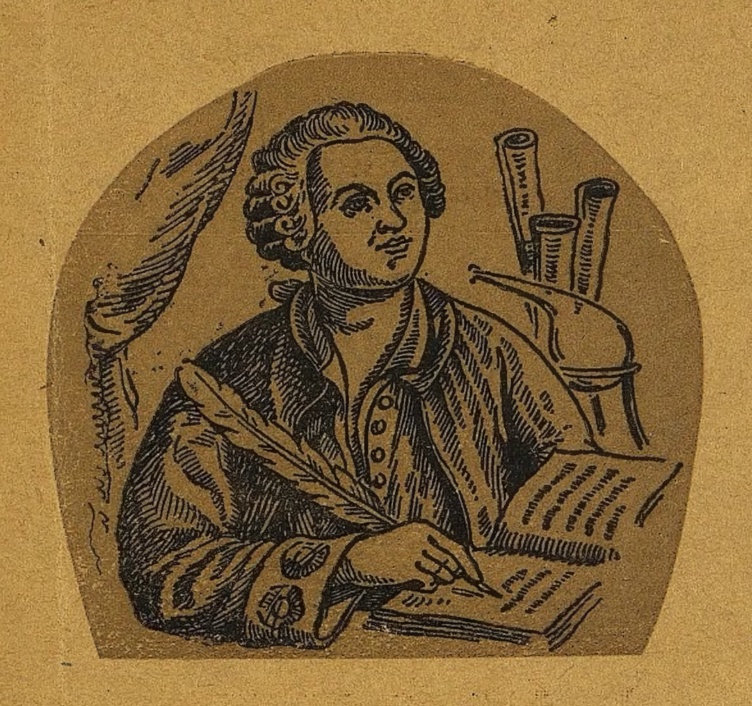
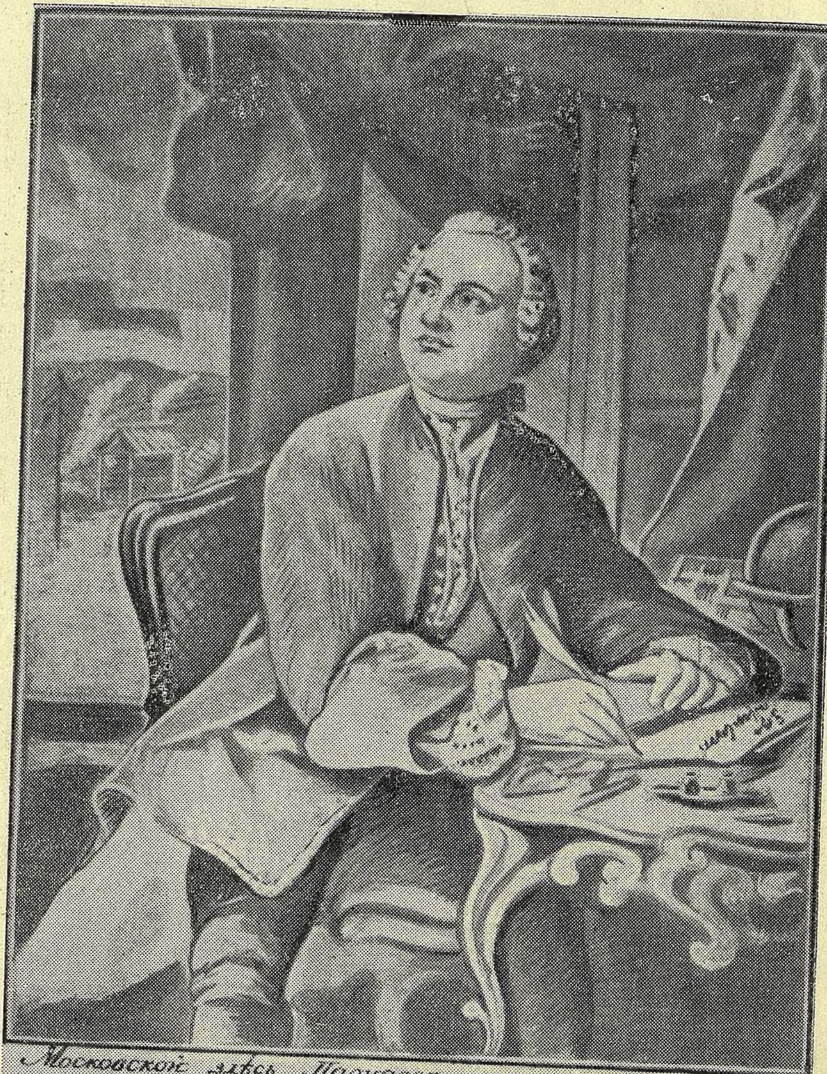
М. В. КЛОЧКОВ

М. В. ЛОМОНОСОВ

ЕГО ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ОГИЗ
Архангельское издательство
1941

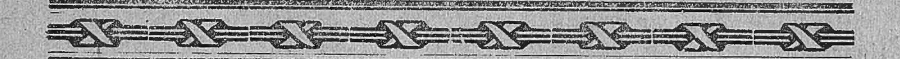
Московской здѣсь Парнассъ изобразилъ витію,
Что чистой слогъ стиховъ и прозы ввелъ въ Россію.
Что въ Римѣ Цицеронъ и что Виргилій былъ,
То онъ одинъ въ своемъ понятіи вмѣстилъ,
Открылъ натуры храмъ богатымъ словомъ Россовъ
Примѣръ ихъ остроты въ наукахъ Ломоносовъ.

М. В. КЛОЧКОВ

М. В. ЛОМОНОСОВ

ЕГО ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ОГИЗ
Архангельское издательство
1941

ВВЕДЕНИЕ

В апреле 1940 г. исполнилось 175 лет со дня смерти великого русского ученого М. В. Ломоносова, и эта юбилейная дата вызвала целый ряд новых работ о Ломоносове, в которых получили новое освещение его жизнь и деятельность.[1]

В свое время Ломоносова ценили прежде всего как придворного поэта и писателя. Но уже Пушкин гораздо шире и глубже оценил Ломоносова. Он писал: „Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенной силой понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшей страстью сей души, исполненной страстей: историк, ритор, механик, химик, минеролог, художник и стихотворец — он все испытал и все проник“. „Он один является сподвижником просвещения. Он создал первый университет, он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом“.

Однако, эта совершенно правильная оценка в царской России так и не нашла широкого признания. Лишь в годы советской власти глубокое изучение подлинного рукописного наследства Ломоносова, сравнение состояния и развития науки и просвещения в России и на Западе, анализ социально-экономических условий — дали возможность полностью раскрыть образ Ломоносова как гениального сына великого русского народа, крупнейшего передового ученого, пламенного патриота, борца за русскую науку, культуру и просвещение.[2]

* * *

Россия XVII и начала XVIII века сравнительно с Западной Европой была отсталой страной. В то время как Запад выдвинул ряд блестящих ученых, философов — Леонардо-да-Винчи, Бэкона, Ньютона, Кеплера, Галилея, Декарта, Спинозу и других, — когда там были созданы университеты и академии, как центры научной мысли, в России народные массы были почти поголовно неграмотны, печатных книг было чрезвычайно мало, высшей школы не существовало, грамотность, носившая религиозно-церковный характер, распространена была лишь среди духовенства и немногочисленной части дворян и приказных.

---

[1] Список основных работ о Ломоносове, включая статьи 1940 г., помещен в конце настоящей брошюры.

[2] „Правда“, передовая статья от 18 ноября 1936 г., № 317; „Известия Академии Наук СССР, Отд. обществ., наук“, 1937 г., № 1, стр. 3—247; Сборник статей и материалов „Ломоносов“, изд. Ак. Наук, М.—Л., 1940, стр. 1—5 и сл.

Первые попытки насадить науку в России связаны с организацией Киевской духовной академии в начале XVII века и Славяно-греко-латинской академии в Москве, учрежденной в 1685 г.; в ней позднее обучался Ломоносов.

Эти школы носили богословский, схоластический характер. К тому же Московская Академия, по мысли основателей, должна была стать оплотом православия, охранительницей веры и благочестия. Всякий, зараженный западной наукой, объявлялся „еретиком“ и подлежал жестокому наказанию. При участии Московской академии в 1689 г. был сожжен на костре вместе с найденными у него книгами иноземец Кульман. Это был редкий, но характерный случай для московского общества XVII века. Консервативные круги дворянства и церковников, защищая свое привилегированное положение, крепко стояли за веру православную, за церковную науку.

Петр I, как выдающийся деятель своего времени, „дальновидный монарх“, как его называл Маркс, „действительно великий человек“, по словам Энгельса,[1] здраво оценивал значение отсталости России в научно-техническом и культурном отношении, сознавал необходимость „разбить все традиции славянского племени“, в том числе боязнь водного пространства и западного просвещения. Он, решив завоевать берега морей и провести преобразования во всех главных сторонах внутренней жизни России, принялся за реформы с присущей ему энергией и неумолимой жесткостью.

По словам В. И. Ленина, Петр I „ускорил перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами в борьбе против варварства“.[2] Петр „сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев“; это укрепление, однако, происходило за счет крепостного крестьянства (Сталин).[3] Петр I провел целый ряд мероприятий по внедрению культуры и просвещения.[4] Он положил начало новой светской школе. В 1700 г. выписывается из Шотландии профессор Эбердинского университета Фарварсон, математик и теоретик морского дела. С его приездом связано открытие в Москве в 1701 г. школы математических и навигационных наук, а с 1715 г. организуется Морская академия в Петербурге. В 1712 г. основаны были две новых школы по типу навигационной: инженерная и артиллерийская.

В 20-х годах XVIII в. устраивается сеть опорных низших школ при архиерейских домах, куда принимались дети церковников; в 1725 г. таких епархиальных школ уже насчитывалось 46. В городах возникают низшие цифирные школы, в них обучались по преимуществу дети приказных и солдат. При крупных предприятиях устраивались ремесленные школы в целях подготовки кадров для растущей промышленности.

Попытку создать школу общеобразовательного типа представляла школа пастора Глюка, открытая по указу 1705 г. в Москве, на По-

---

[1] Маркс-Энгельс, Сочинения, т. XI, ч. I, стр. 363 (Маркс); т. XVI, ч. 2, стр. 12 (Энгельс); История СССР с древних времен, т. I, стр. 621—639.

[2] В. И. Ленин, Сочинения, т. XXII, стр. 517.

[3] И. В. Сталин, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, М., 1938

[4] История СССР, т. I, стр. 622, 639—642.

кровке, с программой обучения началам математики, географии, истории, иностранным языкам и „философской мудрости".

Созданные Петром I школы носили преимущественно технический характер. Изучением точных наук петровская школьная реформа „положила конец преобладанию теологического элемента в миросозерцании наиболее образованных людей России".[1] Но задачи основной — создания науки в России — все эти мероприятия не разрешили.

Попыткой организовать центр научной мысли был указ Петра 1724 г. об учреждении Академии Наук. Академия мыслилась в составе: профессоров-академиков, университета с студенческим составом и гимназии — из учеников, подготовляющихся к высшей науке.[2]

В 1725 г. Академия была открыта; но русских ученых не было — выписали семнадцать человек из Германии. Русских студентов тоже не было, выписали также из Германии восемь человек. Получилось крупное затруднение: для профессоров нехватало слушателей. Нашли выход в том, что профессора стали ходить на лекции друг к другу. Университет пустовал, в гимназии было около ста двадцати человек, но на следующий год стало меньше: ученики разбегались.

Российская Академия Наук оказалась мельницей без воды: не было ни русских ученых, ни русских учеников.

При ближайших невежественных преемниках Петра наука, школа и просвещение оказались заброшенными, и только Ломоносов своей творческой деятельностью дал первый мощный толчок к развитию русской науки и просвещения.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ М. В. ЛОМОНОСОВА И ГОДЫ УЧЕНИЯ

НА РОДИНЕ

Ломоносов происходил из трудовой крестьянской семьи. Родился 19 ноября 1711 г. на севере, в дер. Денисовке, вблизи Холмогор.[3]

Старинные архивные документы конца XVII и начала XVIII вв. рисуют нам природную обстановку родины Ломоносова, немногим отличающуюся от современной. На широкой пойме реки Двины, где она распадается на несколько рукавов между Холмогорами и соседним справа Ухтостровом, был расположен существующий и ныне Куростров

---

[1] Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XXI, стр. 58.

[2] П. П. Пекарский, История Академии Наук, т. II, СПб., 1873; В. Кузнецов, Очерк истории русской науки, М., 1940.

[3] Биографические данные взяты по преимуществу из следующих книг и статей: Б. Н. Меншуткин, Жизнеописание М. В. Ломоносова, изд. Ак. Наук, 1937, 238 стр.; Г. Шторм, Ломоносов, из серии „Жизнь замечательных людей" М., 1933. 141 стр. Ср. „Труды и дни М. Ломоносова", ГИХЛ, 1932, 290 стр. Ломоносовский сборник, изд. Ак. Наук, СПб, 1911, 354 стр. Ломоносовский сборник, изд. Архангельского губ. стат. комитета, 1911, стр. 156; Н. С. Тихонравов, Сочинения, т. III. Исторические материалы для биографии Ломоносова, М., 1898. П. П. Пекарский, История Академии Наук, т. II. СПб, 1873, стр. 259—892. А. А. Куник, Сборник материалов для истории Академии Наук в XVIII в., СПб., 1865. П. С. Билярский, Материалы для биографии Ломоносова, СПб., 1865; В. Ламанский, Ломоносов и Петербургская Академия Наук, Материалы, П., 1865. Ср. „Чтения в Общ. ист. и др. российских", книга 1, Смесь, М., 1865, стр. 37—192 и др.

с деревнями Денисовкой и Горами. Островок когда-то покрыт был лесом, ельником, от которого и до сих пор на пригорке осталось несколько крупных высоких елей, а рядом — мелколесье; значительная часть острова в половодье покрывалась водой и занята поемными лугами.

На правом, возвышенном, берегу одного из рукавов Двины — реки Курополки и была расположена Денисовка. В настоящее время это старое русло только в половодье заполняется водой, а в остальное время оно представляет ложбину, уже заросшую кустарником и травой; часть же этого старого русла около Гор образует летом непроточное озерцо. Новое русло, не дойдя до Денисовки около полукилометра, круто поворачивает налево и отходит от селения на полтора-два километра.

С правой стороны Куростров отделяется от Ухтострова другой протокой, рекой Богоявленкой, а еще дальше, правее, идет главное русло С. Двины, с более высоким правым берегом, покрытым остатками крупного леса и кустарником. Летом река, а зимой удобный санный путь и дорога из Холмогор на Вологду и Москву втягивали Денисовку в широкие и оживленные хозяйственные связи.

Главным богатством Курострова были земля, лесные угодья, поемные луга, дичь и рыба, которая в большом изобилии водилась и до сих пор водится в протоках, озерцах и заводях реки. Близость моря давала возможность некоторым предприимчивым крестьянам участвовать в морских промыслах (ловля рыбы, битье морского зверя), солеварении и транспортировке.

Основным занятием было земледелие и скотоводство; сеяли ячмень („жито") и рожь, разводили крупный рогатый скот и овец. С замечательной глубиной, прямо гениальным прозрением К. Маркс подчеркнул эту особенность русских — страсть к земле. В „Секретной дипломатии XVIII века"[1] он заметил: на побережье Белого моря, заселенном русскими, „несмотря на новые условия жизни... (они) все-таки не пристрастились к морю, а упрямо продолжают копошиться в земле, верные традициям своих предков" (из гл. V). И в настоящее время земледелие и животноводство составляют главное занятие местных жителей — колхозников Курострова.

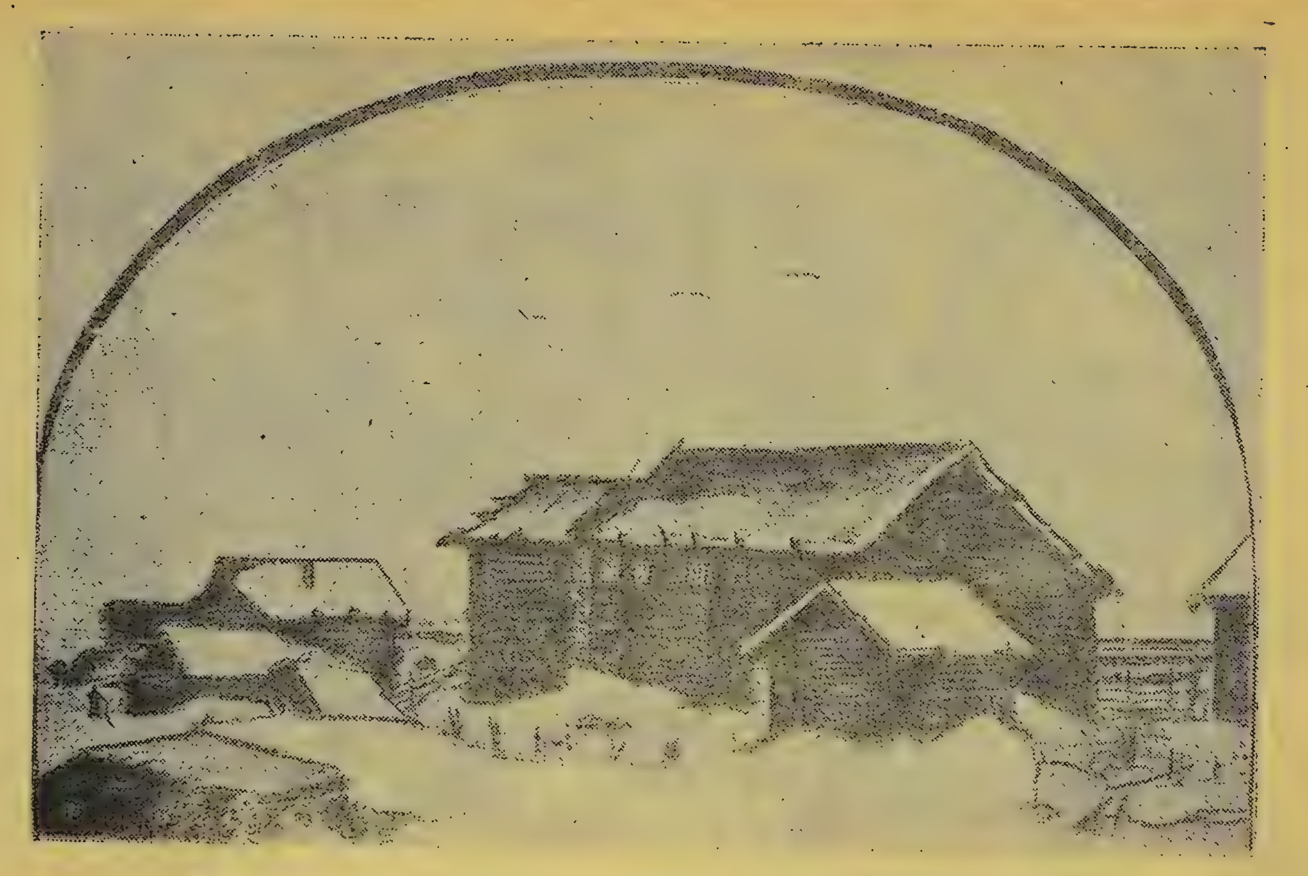
В Ломоносовке — колхоз, один из самых крупных в районе (154 хозяйства по данным 1940 г.), с племенной фермой союзного значения, мощным техническим оборудованием (2 трактора, прицепные орудия МТС, молотилка, сенокосилка, жнейки, автомашина, ветряной механический двигатель, электростанция). Из культурных учреждений: клуб, две школы — неполная средняя и костерезная, библиотека, филиал областного музея. Все население грамотно. Из этой-то Ломоносовки, бывшей Денисовки, и вышел знаменитый русский ученый М. В. Ломоносов.

Ломоносов — сын крестьянина-помора с достатком Василия Дорофеевича. Отец занимался сельским хозяйством, рыбным промыслом и перевозкой речных и морских грузов. Мать — из бедной семьи ближнего селения Матигор, дочь дьякона, умершего во время ее детства.

Ломоносовы, по преданию, были выходцами из крестьян Новгородской земли, переселившимися на Двину во времена Грозного. Русский

---

[1] Marx, Secret diplomatic history XVIII century, V, London, 1899.

Деревня Денисовка — родина М. В. Ломоносова — во второй половине XVIII века.

север с его широким земельным простором, лесами, покосами, рыбными ловлями, промыслами, с прочно сложившимися общинными порядками на государственных землях манил к себе предприимчивых переселенцев, испытавших на родине гнет со стороны бояр-землевладельцев и купцов. Здесь же дворян-помещиков не было, крепостного строя не сложилось в том виде, как это было в центре и других областях России. Начавшаяся с середины XVI века торговля с Англией и Голландией оживила Северный край, который стал единственным местом непосредственного выхода Московского государства на европейский рынок. Здесь развиты были промыслы, судостроение; с конца XVII в. работала верфь купцов Баженовых в Вавчуге, около Холмогор, с лесопильным заводом; на ней русские и заморские мастера строили корабли и яхты, оснащали и вооружали их, пользуясь техническими приспособлениями иностранного образца.[1] В начале XVIII в. была сооружена подобная же верфь и в Архангельске.

Северный край стал посредником между Западной Европой и центром Московского государства. Население Поморья, активное, предприимчивое, втянуто было в новую экономическую жизнь. Столкнувшись с европейской культурой, оно стало быстро усваивать ее и пыталось бороться за первенствующую роль в культурном движении Московии.

Положение крестьян на Севере в значительной мере аналогично положению их в Норвегии. Норвежский крестьянин никогда не был крепостным, и это, по указанию Энгельса, дало всему развитию совсем другой фон, чем в Германии.

„Норвежский мелкий буржуа — сын свободного крестьянина и вследствие этого он — настоящий человек по сравнению с опустившимся немецким мещанином. И каковы бы ни были недостатки, напр., Ибсеновских драм, они отображают перед нами, хотя маленький и средне-буржуазный, по сравнению несоизмеримый с немецким миром — мир, в котором люди еще обладают характером и инициативой и действуют, хотя зачастую с точки зрения иноземных понятий довольно странно, но самостоятельно“.[2]

Указания Энгельса дают ключ к более глубокому пониманию классового положения русских крестьян севера, их предприимчивости и настойчивости характера. Та же сторона подчеркнута и Плехановым. „Ломоносов,—писал он,—родился на севере, где крестьянство издавна жило не совсем так, как в других частях русского государства“. „Там не было поместного землевладения. Это не могло не оказать благотворного влияния на характер и привычки местного населения, которое, кроме того, еще со времен Великого Новгорода вело очень подвижной образ жизни и отличалось более независимым характером, чем жители коренных московских областей. Независимость характера сопровождалась более высокой культурой“.[3]

---

[1] П. Любомиров. Очерк истории русской промышленности в XVIII и начале XIX в., ч. I, Л., 1930; о Вавчуге и Баженовых — см. „Арханг. губ. ведомости“, 1844, № 32, 39, 40; 1875, № 95.

[2] Маркс—Энгельс, Сочинения, т. XXVIII, стр. 221. Ср. Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XXI, стр. 139—141 и сл.

[3] Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XXI, стр. 140 и сл.

Можно считать установленным, что до времен Петра I хозяйство Архангельского края, оживляемое промысловой деятельностью и торговлей — прогрессировало. С открытием Петербургского порта внешняя торговля из Архангельского порта сократилась, но внутренняя — поднималась. Общее оживление края в связи с поставками и стройками в основном продолжалось. Из крестьян выдвигаются предприимчивые люди, среди них были и Ломоносовы.

Фамилия Ломоносовых в документах встречается с начала XVIII в. Прадед Михаила Васильевича Леонтий и, видимо, его сыновья Лука и Дорофей были прирожденными черносошными крестьянами. Лука выдвинулся среди односельчан и в начале XVIII в. был выбран земским старостой, но хозяйства не бросал. Отец Михаила Васильевича — Василий Дорофеевич был также человеком предприимчивым. В деревне Денисовке у него был дом с двором, прудом и колодцем. Двор занимал приблизительно полдесятины и лежал в плоской низине, часть которой занимал широкий естественно образовавшийся пруд. Пруд соединялся с рекой канавой, отгороженной от реки решеткой. В нем разводилась рыба — единственный пример в то время на севере искусственного рыбного хозяйства.

Дом стоял на некотором возвышении, фасадом на реку. Отсюда летом открывался чудесный вид: недалеко под крутым обрывом сверкала Курополка, дальше лежал живописный Нальостров, с ельником, озерами, покосами и синеющими вдали высотами лесных берегов Двины. Зимой мимо дома проходила дорога из Холмогор в соседние деревни, села и дальше на Москву. Это был узловой пункт, самый бойкий и веселый на всем Курострове.[1]

Василий Дорофеевич, как и его отец и дед, занимался земледелием и скотоводством. Но затем (по материалам, собранным академиком Штелиным, изданным в 1784 г.) он „первый из жителей сего края построил и по-европейски оснастил на р. Двине под своим селением галиот и прозвал его „Чайкой"; „ходил на нем по сей реке, Белому морю и по Северному океану для рыбных промыслов и из найму возил разные запасы казенные и частных людей г. Архангельского в Пустозерск, Соловецкий монастырь, Колу, Кильдин, по берегам Лапландии, Самояди и на р. Мезень".[2]

Занявшись промыслом и перевозкой, Василий Дорофеевич ослабил свое крестьянское хозяйство, и в 1714 г., по сговорному письму, продал соседу Кузьме Созонову „пожню свою сенных покосов", совместно с родственником Лукой Ломоносовым, оба повытка за 10 рублей „вечно без выкупа".

Оказывается, эта продажа была временной — для уплаты казенного взыскания с Луки Ломоносова. Василий же Дорофеевич продолжал держать скот, птицу; сено косил, вероятно пахал и сеял. Проданная пожня в Нальем острову была им выкуплена. Только, незадолго до смерти, в 1739 г., когда он состарился, третья жена его умерла, на-

---

[1] Ломоносовский сборник, 1911, стр. 156; Грандилевский, Родина Ломоносова, „Изв. Арханг. об-ва изучения русск. Севера", 1910, № 11—13; Памятная книжка Арханг. губернии на 1911 г., стр. 1—68, Архангельск, 1911, статья Н. Голубцова.

[2] П. П. Пекарский, История Академии Наук, т. II, стр. 267.

дежды на возвращение сына не было, Василий Дорофеевич продал окончательно ту же пожню „всю без остатка“ соседу Михаилу Шубину за восемь рублей.

Следовательно, отец Михаила Васильевича был прежде всего крестьянином и держался своего сельского хозяйства почти до смерти, но занимался также рыболовством и главным образом перевозкой грузов.

В старой литературе любили изображать Ломоносова как сына рыбака—и только (Верещагин, Полевой и др.). Эта поколебленная традиция снова воскрешена в статье В. Перевалова, который изобразил М. В. Ломоносова, также как и отца — Василия Дорофеевича, в роли „зверопромышленника и рыбака“.[1]

Такого же рода мнение В. Кузнецова, который пытается даже подмалевать Ломоносова под мастерового, „работавшего, повидимому“, по найму на Вавчугской верфи.[2] Для такого утверждения нет никаких фактических данных, да и положение Ломоносова, как единственного сына в состоятельной семье, не дает на это достаточного основания. В местной литературе, правда, приводится домысел краеведа Грандилевского, прикрываемый ссылкой на якобы „местные предания“, будто Ломоносов работал на Вавчугской верфи. Но на Грандилевского в этом вопросе лучше не опираться: он не раз щеголял подобными неосновательными выдумками.

В детские годы Михайло Ломоносов рос и воспитывался в крестьянской семье, как и все деревенские мальчики: бегал, играл с товарищами, помогал отцу в хозяйстве. Был „таким же запачканным босым мальчиком“, как и другие сверстники (Челищев, Верещагин). Эти воспоминания навеяли поэту Некрасову образ школьника, подобного Ломоносову, не вполне совпадающий с действительностью: „Ноги босы, грязно тело и едва покрыта грудь. Не стыдися, что за дело: это многих славных путь!“ Поэтическое преувеличение состояло в том, что Ломоносов был из достаточной крестьянской семьи.

По своему домашнему укладу пареньку Ломоносову предстояла жизнь крестьянина-помора, но знакомство с грамотой и наукой увлекли его на другой путь. Около десяти лет[3] он научился грамоте и письму у соседа по деревне Ивана Шубного и у дьячка приходской церкви Ивана Сабельникова.

Наука была в то время трудная: по азбуке сначала затверживались буквы, слога, отдельные слова, затем церковные книги: псалтирь, часослов, каноны церковной службы, жития святых. Благодаря блестящим

---

[1] „Учительская газета“, 1940, № 51 от 15 апреля. То же в статье „Ломоносов и освоение Арктики“, „Советская наука“, 1939, № 4, стр. 103.

[2] В. Кузнецов, История русской науки, стр. 35.

[3] Указание Грандилевского на раннее (5—6 лет) обучение Ломоносова грамоте от матери опровергается местными биографами (Сибирцев, Ефименко), которые считали, что Ломоносов научился грамоте в возрасте около 10 лет от Ивана Шубного, старшего сверстника соседа. Меншуткин к этому „учителю“ добавляет еще дьячка приходской церкви С. Н. Сабельникова („Жизнеописание М. В. Ломоносова“, 1937, стр. 18). Это возможно, в особенности, когда касалось чтения церковных книг, но не письма: почерк Сабельникова, судя по сохранившемуся образцу, другой сравнительно с Ломоносовским, тогда как надо было бы ожидать сходства почерков учителя и ученика, обычно подражавшего своему учителю.

Ранние почерки Ломоносова

1726 год

Подпись Ломоносова на подрядной записи 4 февраля 1726 г.

1730 год

Подпись Ломоносова 25 января 1730 г. в тетради, заведенной при построении Куростровской каменной церкви подрядчиком Петром Некрасовым.

1734 год

Подпись Ломоносова на допросе 4 сентября 1734 г.

способностям Ломоносов сравнительно легко и быстро преодолел трудности обучения. Уже двенадцати — четырнадцати лет он бойко читал в церкви, дома постоянно сидел за книгой, вечером старикам в трапезе церковной рассказывал содержание прочитанных им книг. Большое впечатление на него произвели рифмованные духовные книги Симеона Полоцкого, писателя XVII века. Но духовные книги не овладели его умом и сердцем.

Около 1725 г. у одного соседа, Дудина, он достал две светские книги — редкость того времени; то были грамматика Мелентия Смотрицкого и „Арифметика, сиречь наука числительная“ Магницкого, изданная в 1703 г.

В первой были образцы стихов и правила стихосложения, во второй, кроме математических данных, находились энциклопедические сведения по географии, астрономии, физике, геометрии и другим наукам, связанным с мореходным делом.

Эти книги стали любимыми. Ломоносов читал и перечитывал их, тщательно изучал, многое выучил наизусть, а позднее выпросил их у Дудиных в собственность. В своих воспоминаниях Ломоносов, будучи академиком, называл эти книги „вратами своей учености“.

От этого периода жизни Ломоносова в архивах и музеях сохранились такие наиболее важные документальные данные:

1. Ревизская сказка 1719 г., в которой числились Лука Леонтьевич Ломоносов, семидесяти трех лет, с его сыном Иваном и внуком Никитой; Василий Дорофеевич, тридцати восьми лет, сын Михайло, семи лет [1] (сказка составлялась в начале 1719 г., когда ему было действительно семь лет).

2. Подрядная запись от 4 февраля 1726 г. по постройке куростровской церкви; в ней подлинная подпись четырнадцатилетнего М. В. Ломоносова: „Вместо подрядчиков Алексея Аверкиева сына Старопоповых, да Григория Иванова сына Иконникова, по их велению Михайло Ломоносов руку приложил“ (см. фотоснимок — подлинная тетрадь хранится в Архангельском областном музее). В подписи Ломоносова нет ни одной орфографической ошибки. Но почерк еще не приобрел той красоты и изящества, какими отличался в последующее время.

Чтение книг расширило умственный кругозор юноши. В поисках рукописей и печатных книг он, видимо, познакомился с холмогорскими начетчиками, из которых некоторые были ревнителями „древлего“ благочестия — раскольниками. Он был „уловлен в ересь“, сделавшись приверженцем более рационалистического учения беспоповцев, которые отрицали власть попов, церковный брак, проклинали царей, ожидали антихриста и конца мира. Но дух нетерпимости и консерватизма, крайнее отрицание современных им порядков, чем заражены были раскольники, не могли удовлетворить ищущего научных познаний юношу. Через два года он вернулся к отцовской православной вере и продолжал свои занятия, то книжные, то хозяйственные.

С двенадцати — тринадцати лет отец брал его в морские поездки и промыслы и, видимо, требовал от него участия в работе. О своих

[1] Ломоносовский сборник, изд. Арханг. стат. комит., стр. 36—39; Ф. Лепехин, Путешествия, стр. 302.

путешествиях по северным морям Ломоносов позднее вспоминал: таких путешествий ему „искусством (на собственном опыте. — *М. К.*) пять раз изведать случалось". В поездках он „многократно" избороздил Белое и Баренцово моря до 70° широты, бывал на Кольском берегу, в самых северных населенных пунктах русской земли.

Далекие плавания по бурным морям на небольшом судне, соединенные с постоянным риском, величественные картины северной природы, открывавшиеся перед наблюдателем, встречи с моряками, рассказывавшими о своих приключениях, ознакомление с бытом поморских жителей — русских, лопарей, ненцев; встречи с иностранцами: норвежцами, голландцами и англичанами, приезжавшими на крупных кораблях в Архангельск для торговли, — были прекрасной школой для любознательного, вдумчивого и активного юноши, каким был в то время Михайло Ломоносов.

Юношеские впечатления глубоко запали в его памяти, и были использованы им в поэтических произведениях и научных работах.

Наблюдение за движением льдов, расспросы моряков поморов о поездках на Новую Землю толкали в дальнейшем к заманчивой мысли — найти свободный от льдов северный путь на восток и открыть новые земли.

О ветрах Ломоносов „приметил", что по Белому морю и по всему берегу Норманнского моря с весны до половины мая господствуют более всего северные ветры, так что путь от Архангельска до становища Кекурского (около 700 км) требовал двадцати восьми дней, а однажды из-за встречных ветров (норд-оста) — пришлось ему проплыть сорок два дня. В июне же и до половины июля и даже позднее преобладают южные ветры и „побочные" им.

Направляясь на крайний север, он тщательно наблюдал движение судна и установил, что „в Северном океане около 70° широты морская вода за кормой прескоро вихрями вертится", появляются искры и „оные искры круглы", а корма „оставляет за собой путь, светящийся ночью".[1]

Поздней осенью на море, а зимой у себя в деревне Ломоносов с восхищением наблюдал северное сияние и пытался проникнуть в тайну его происхождения. Обращал он внимание на отмели Белого моря и Северного океана во время отлива, на голые камни с немногими раковинами на равнине песчаного дна морского. Позднее эти картины он отчетливо вспомнил, когда был в Германии и проводил сравнение с подобными же геологическими отложениями около Марбурга.

Острая наблюдательность Ломоносова сказалась и в том, что он отмечал сходство языка „чудских" (финских) племен: лопарей, корелов, коми-зырян и пр. Позднее он по юношеским впечатлениям высказал правильное научное мнение, что эти племена родственны между собой, и жители Венгрии (мадьяры) „единоплеменны с чудью".

Обратил он внимание и на такие житейские подробности, что женщины-лопарки телом белы, как треска; мужчины-лопари слабосильны; русские их обычно побарывали. Прекрасно ознакомился Ломоносов

---

[1] П. П. Пекарский, История Академии Наук, т. II, стр. 272, примеч.

в юношеские годы с богатым русским народным языком, с былинами, сказками, пословицами, поговорками, со всеми формами народного творчества, чем богат был и в то время и позднее русский север.

Не мог не заметить Ломоносов приезжавших в Архангельск иностранцев: „их ум, знания, трудолюбие и образованность“ бросались ему в глаза, но также „корыстность, торгашеский дух“.[1]

Таков обширный круг впечатлений и жизненного опыта, который приобретал Михайло Ломоносов благодаря тому, что он не замкнулся в своей деревне, но по условиям северного края и бытовой обстановки своей семьи вышел на более широкий простор. Знакомство с западной экономикой, наукой и культурой открыло перед ним новый мир и обострило прирожденную жажду знаний.

Прилагая к Ломоносову характеристику, данную Энгельсом сыновьям норвежских крестьян, выросших в более свободных условиях, чем в других местах Европы, можно сказать, что Михайло Ломоносов, как сын государственного крестьянина, подросши, „обладал характером и инициативой“ и „действовал самостоятельно“.[2]

То же отметил и Плеханов: „Архангельский мужик, — читаем у него, — стал разумен и велик не только по своей и божьей воле. Ему чрезвычайно помогло то обстоятельство, что он был именно архангельским мужиком, мужиком-поморцем, не носившим крепостного ошейника“.[3]

Молодой Михайло Ломоносов уже был втянут в деятельную трудовую жизнь: летом в речных и морских поездках, зимой — в деревне, в своем домашнем хозяйстве. Но наряду с этим у него образовалась страсть к чтению книг, непреодолимое влечение к науке.

В 1725 г. положение Ломоносова в семье осложнилось: мать умерла еще в период его детства, отец женился во второй раз, а затем (в указанном году) в третий. Мачеха была женщиной пожилой, раздражительной, „злой и завистливой“, по определению самого Ломоносова. Подрастающий пасынок для нее был помехой. Между ними начались нелады: мачеха требовала помощи по хозяйству, а Михайло, по ее представлению, „всегда сидит попусту за книгами“. По горестному воспоминанию Ломоносова, она „всячески старалась произвести гнев в отце“ на сына за его якобы безделье. Вследствие этого „юноша многократно принужден был читать и учиться... в уединенных и пустых местах, терпеть стужу и голод“.[4]

Когда же Ломоносов подрос (18—19 лет), отцу и мачехе, нуждавшимся в помощниках по хозяйству, пришла незадачливая мысль — женить сына. Отец даже подыскал в Коле невесту для него, да и соседи — „хорошие тамошние люди“ — предлагали дочерей своих в невесты или указывали на красивых подходящих девушек ближайших деревень.

---

[1] В. Ламанский, Ломоносов и Петербургская Академия Наук, Материалы, стр. 30, 37.

[2] Маркс — Энгельс, Сочинения, т. XXVIII, стр. 221 — черновик письма Энгельса Паулю Эрнсту от 5 июня 1890 г. Ср. в другом переводе „Маркс — Энгельс об искусстве“, сборник, 1938, стр. 30.

[3] Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XXI, стр. 141.

[4] В. Ламанский, Материалы, стр. 43.

Но сын решительно отказался от женитьбы. Позднее он с живым негодованием писал против ранних насильственных браков: „Хотя по деревням и показывают причины, что женят малых ребят для работниц, однако ж все пустошь“: можно нанять работника, сократить хозяйство. Такие браки следует запретить, а „венчающим священникам накрепко подтвердить, что они, услышав где о невольном сочетании, оного не допускали и не венчали“, под угрозой лишения сана.

Наговоры мачехи, недовольство отца и перспективы насильственной женитьбы с прикреплением к крестьянской жизни в Денисовке возмущали молодого Ломоносова и угрожали отвлечь его от науки, которая становилась главным двигателем жизни Ломоносова. Он стал искать выхода из создавшегося крайне затруднительного положения.

Изучив от корки до корки найденные им книги, Ломоносов увидел, что дальше учиться в деревне невозможно. Правда, в Холмогорах в 1726 г. была открыта Славянская школа, в которой подготовляли детей духовенства к церковным службам. Но в нее крестьян не принимали. Нигде в современных документах нет и намека, чтобы Ломоносов в этой школе обучался, хотя в последующее время сложилось мнение, что он там был (таково было мнение Грандилевского). Но это мнение голословное и ничем не подтверждено, в автобиографии Ломоносова никаких указаний нет, его следует отвергнуть.[1]

В Архангельске от родственников и от соседей куростровцев: Пятухина, Белобородова и Рычкова, которые по торговым делам бывали в Москве, Михайло из расспросов узнал, что она являлась не только местом обширной торговли, но и центром тогдашней науки и культуры. У него зародилась мысль добраться до Москвы.

Старая легенда о том, что Ломоносов „тайно“, „ночью“, когда все спали, бежал из дому, в худой одежонке (нагольном тулупе), в малахае на голове и котах вместо валенок, и едва не замерз на пути[2] — давно уже разоблачена, и документально доказано, что он отправился в Москву с ведома отца в декабре 1730 г., получил (7 декабря 1730 г.) паспорт из Холмогорской канцелярии на один год, а в платеже подушных денег за него поручился сосед Иван Банев.[3]

Длинную дорогу до столицы он проводит с обозом рыбы то пешком, то на возу. В Москву прибывает в самом начале января 1731 г. Прибыв в Москву, Ломоносов остановился на постоялом дворе, разыскал односельчан, те поселили его у знакомого писца — подьячего Дутикова, а затем направили в навигационную школу при Сухаревой башне.

В середине января 1731 г. Ломоносов, видя, что в элементарной школе ему делать нечего, по совету знакомого монаха, обратился

---

[1] См. полемику по этому вопросу в „Архангельских губернских ведомостях“ за 1890 год.

[2] К. Полевой, М. В. Ломоносов, т. I, СПб., 1887, стр. 2—11; П. П. Гершунин, Ломоносов М. В., его жизнеописание и лучшие произведения, П., 1888, стр. 4—10.

[3] Иван Банев из Курострова был хорошо известен воеводской канцелярии, был „посыльщиком“, ходил в Холмогоры много раз в 1728 г. за гербовой бумагой и по другим делам; не раз присутствовал при отдаче воеводе, его жене и приказным „подарков“ от волости в виде денег, кур, свечей и пр. („Арханг. губ. ведомости“, 1870, № 88, 89).

в Славяно-греко-латинскую Академию (в Заиконоспасском монастыре), которая помещалась на Никольской улице. Это была высшая школа того времени.

Здесь встретилось новое крупное препятствие: принимали только дворян, крестьянских детей принимать было запрещено. Ломоносов из горячего желания учиться смело перешагнул через это формальное препятствие: он сказался холмогорским дворянином. Бойкий, разумный малый, хорошо грамотный, с прекрасным почерком, надо полагать, понравился архимандриту — ректору Академии, за него хлопотал знакомый монах. По словам Ломоносова, „в Московских Спасских школах (он.—*М. К.*) записался 1731 г. января 15 числа“ (26—по новому стилю).

Эта была школа в восемь классов: четыре низших, два средних и два высших. В низшем и среднем отделениях изучали латинский, греческий и славянский языки, проходили катехизис, приучались к нотному церковному пению, обучались риторике — искусству составлять хвалебные речи, и пиитике, то есть искусству построения стихов. В высшем отделении школы долбили философию и богословие. Все преподавание проникнуто было церковно-религиозным схоластическим духом. Помещалась школа в грязном доме; содержание учеников было скудным. Воспитание и обучение сопровождалось жестокими наказаниями: побоями, розгами, заключением в карцер и пр.

В Академии встретилось третье препятствие: не знал латинского языка. В Академию принимали детей с одиннадцати — двенадцати лет, а ему было девятнадцать. Начал с низшего, первого класса. Смеялись школьники. „Школьники — малые ребята,— вспоминал позднее с обидой Ломоносов,— кричали и перстами указывали: „Смотри-де, какой болван лет в двадцать пришел латыне учиться!“ Нужно было терпеть.

Четвертое препятствие — „несказанная бедность“: отец звал обратно, прельщая „довольством“. В Москве же было полуголодное существование: „имел 1 алтын в день жалованья, нельзя было иметь на пропитание больше как на денежку хлеба и на денежку квасу, прочее — на бумагу, на обувь и на другие нужды“. „Так жил я пять лет и наук не оставил“,— с гордостью писал позднее Ломоносов Шувалову.[1]

Блестящие дарования сказались с самого начала обучения. Первые три класса Ломоносов прошел в один год, через год знал латинский язык настолько, что мог сочинять латинские стихи.

Пятое препятствие: науки богословские его не удовлетворяли, он искал наук точных, естественных, математических, физических, химии. В связи с его исканиями в 1734 г. он был направлен в Киев на год — в Киевскую духовную академию. Здесь тоже не нашел того, чего искал. Вернулся до истечения года в Москву. Но это путешествие было полезно: Ломоносов хорошо познакомился с украинским и польским языками, с историческими памятниками, южной природой, берегами широкого Днепра, его порогами, что отразилось в „Идиллии Полидора“, написанной Ломоносовым в 1750 г.

---

[1] В письме от 10 мая 1753 г.— П. П. Пекарский, История Академии Наук, т. II, стр. 284.

Ломоносов уже был в философском классе Академии, как случилось неожиданное, исключительно счастливое для него обстоятельство, какое поставило его на настоящую научную дорогу. Он был направлен в Петербург, в Академию Наук, а затем за границу.

Ввиду настоятельной потребности в русских ученых, по предложению начальника Академии Наук барона Корфа, был издан в 1735 г. указ о высылке в Петербург из монастырских школ и Заиконоспасской академии лучших учеников для пополнения состава гимназии и университета, открытых, но пустовавших при Петербургской Академии Наук. В числе отобранных и снаряженных двенадцати наиболее способных учеников оказался лучший из всех — Михайло Ломоносов.

1 января 1736 г. истребованные школьники, по словам самого Ломоносова, прибыли в Петербург и приступили к занятиям: „Содержаны были сперва в довольной пищи, а потом были оставлены без призрения; готовый стол и квартира пресеклись, и бедные скитались немалое время в подлости“.[1] Ломоносов прожил так около семи месяцев, и этот радостный вначале период, ввиду академических неустройств и злоупотреблений, омрачен был позднее многими горестными воспоминаниями. Но скоро пребывание в Петербурге завершилось чрезвычайно удачно: Ломоносов был командирован за границу.

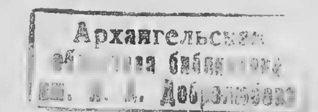
ЛОМОНОСОВ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Академия наук в тридцатых годах XVIII века направляла большую специальную экспедицию для исследования горных богатств Урала и Сибири. При ней были „рудознатцы“ и мастера горного дела из иностранцев. Необходим был химик и металлург; такого специалиста, кроме техников, в России не было, сыскать за границей ученого специалиста, который хотел бы отправиться в Россию, не удалось. Сверх того „немцам“ — иностранцам в таком важном деле не вполне доверяли. Тогда решено было, по практике со времен Петра I, послать в Германию, в Марбургский университет и Фрейбергский горный институт трех молодых студентов для обучения горному делу; среди них оказался М. В. Ломоносов; его товарищами были Д. Виноградов и Рейзер. 30 марта 1736 г. студентам было объявлено об отправке за границу.

Командированным была дана подробная инструкция по изучению натуральной истории, физики, химии и математики, как себя вести и бережно расходовать деньги, назначенные им троим в количестве 1200 рублей на год; каждые полгода присылать отчеты об успехах в науках и расходовании денежных сумм. С отправкой вышли новые осложнения. На дорогу и содержание деньги были выданы немедленно вперед. Но таковы были порядки в Академии, что отпущенные деньги были израсходованы тотчас же на другие нужды, и Ломоносову пришлось ожидать, пока их не отправили морем в Германию 19 сентября 1736 г. По дороге они попали в бурю, едва не потонули. В начале ноября прибыли в Гамбург, откуда через Кассель доехали

---

[1] В. Ламанский, Ломоносов и Петербургская Академия Наук, Материалы, стр. 30.

до Марбурга, и 14 ноября явились к своему руководителю, профессору Христиану Вольфу, к которому направлены были Академией.

Марбургский университет стоял довольно высоко в Германии по своим научным силам. Его украшением был крупный ученый Х. Вольф, математик, физик и философ. Здесь Ломоносов зажил свободно и широко, получая значительные средства от Академии, без мелочного контроля и скудности, которые сопровождали его учение в Москве и Петербурге. В первые месяцы такая свобода даже привела к веселью и гулянкам, но вскоре Ломоносов остепенился и стал ревностно заниматься наукой. Ломоносов был восхищен тем, что наконец он мог приступить к любимым естественно-научным и физико-математическим дисциплинам, к которым он так давно стремился, притом под руководством первоклассных профессоров-специалистов.

Однако на этом пути выросли новые трудности: лекции и ученые работы читались и написаны были на латинском и немецком языках; латинский он в основном знал, но для изучения наук и литературы необходимо было знание немецкого, французского и других иностранных языков. Это в Академии наук предусмотрели, и еще в Петербурге Ломоносову было указано, чтобы он приступил к изучению прежде всего немецкого языка, причем начальник Академии барон Корф выражал уверенность, что Ломоносов „еще в бытность свою здесь через три месяца столько научиться может, сколько надобно", разумеется, для первых опытов и простого понимания разговора. А затем в инструкции прямо был сделан упор на основательное изучение иностранных языков.

В течение трех лет жизни в Марбурге Ломоносов под руководством Хр. Вольфа, химика Дуйзинга и других изучал математику, физику, механику, химию, философию, новые языки и рисование; кроме того обучался, согласно требованиям немецкого студенчества XVIII века, фехтованию и танцам.

Науки специального назначения проходились Ломоносовым не только в общих курсах, но и по специальным монографиям и работам выдающихся западноевропейских ученых. Так, им были изучены работы его учителя Хр. Вольфа, известного английского натурфилософа, физика и химика Роберта Бойля (1627—1691 гг.), других выдающихся химиков—Г. Бургава и Г. Е. Шталя, которого Ломоносов позднее критиковал, знаменитого Ньютона, философов Декарта, Лейбница и других.

Блестящим дарованиям Ломоносова и его основательности обучения высокую оценку давали позднее его марбургские профессора. Большие успехи были сделаны в изучении иностранных языков: немецким языком он вскоре овладел настолько, что свободно говорил и писал по-немецки; изучил французский язык и другие.

Из вновь открытой рукописи Ломоносова узнаем, что в 1737—1738 гг. он был занят изучением поэтических произведений на французском, немецком и итальянском языках, и сам производил опыты стихотворных переводов.[1]

---

[1] Статья Данько „Из неизданных материалов о Ломоносове, XVIII век. Статьи и материалы", т. II, 1940, стр. 248—275.

В студенческие годы (1738 г.) Ломоносов в особую тетрадь выписывал из статьи немецкого поэта Готшеда тексты оды Анакреона „К лире“: на греческом языке, латинском, французском, английском, итальянском, немецком и русском (первый — подлинный, остальные — переводы, русский сделан Ломоносовым); в иностранных текстах встречаются ошибки и описки, в особенности в английском. Но замечательно то, что эта семиязычная запись была, видимо, понятна Ломоносову. Успехи М. В. Ломоносова в изучении иностранных языков были столь значительны, что в октябре 1738 г. он посылает в Академию Наук образцы своих познаний на четырех языках: рапорт о ходе занятий на немецком, отчет о работе по физике — на латинском, список оды Фенелона — на французском и перевод этой оды на русском, написанный впервые новым размером — четырехстопным хореем.

Своими отчетами о научных занятиях и литературными опытами, в особенности одой на взятие Хотина (1739 г.) Ломоносов сразу же обратил на себя внимание Академии Наук и тогдашних писателей.

Обучение Ломоносова в Марбургском университете продолжалось три года и окончилось весьма успешно. Профессор Вольф дал о нем такой отзыв: Михайло Ломоносов — молодой человек „преимущественного остроумия“, он прослушал курс лекций математических и философских, особливо физических и „безмерно любил основательное учение“; Вольф выражал уверенность, что он принесет пользу своему отечеству.[1] Также и профессор Дуйзинг удостоверял, что Ломоносов с „неутомимым прилежанием“ прослушал курс химии и извлек из него немалую пользу.

20 июля 1739 г. русские студенты уезжали из Марбурга в Фрейберг к металлургу профессору Генкелю. При отъезде обнаружилось, что они сильно задолжали и кредиторы грозили их не выпустить из города. Вольфу пришлось платить за них из своих средств и много хлопотать. Причина их долгов, как писал Академии Вольф, та, что „они чрез меру предавались разгульной жизни и были пристрастны к женскому полу“. Вольф пожурил своих учеников, но выручил. При расставании Ломоносов расчувствовался: от горя и слез не мог промолвить ни слова; видимо, ему было стыдно за свои проделки и жаль старика-учителя, своего благодетеля, как позднее именовал Ломоносов профессора Вольфа.

В Фрейберг Ломоносов прибыл 25 июля к горному советнику Генкелю и принялся за изучение металлургии и горного дела, распознавания залежей и методов выплавки металлов из руд.

Изучение шло своим порядком, но бытовое положение студентов резко изменилось к худшему: им уменьшили размер стипендии до двухсот рублей (вместо четырехсот), чтобы экономией заплатить их долги; давали скудное содержание, оставили без денег, выдавая на руки по одному талеру в неделю на мелкие карманные расходы, и ославили на весь город, объявив, чтобы никто не давал в долг приехавшим русским студентам, так как „Российская Академия не заплатит за их долги ни одного гроша“ (письмо барона Корфа к Генкелю от 7/VII 1739 г.)

[1] Б. Меншуткин, Жизнеописание М. В. Ломоносова, стр. 50.

Такое положение не замедлило сказаться. До нас дошло письмо (1739 г.) проф. Г. Юнкера, который прибыл в Германию для изучения соляного дела. Находясь в Фрейберге, он повидался с русскими студентами и о них писал начальнику Академии Наук бар. Корфу: „Студенты по одежде своей выглядели неряхами, но по части указанных им наук... положили прекрасное основание, которое послужило ясным доказательством их прилежания в Марбурге"; также при лекциях в лаборатории „я не мог не заметить их похвальной любознательности и желания дознаться основания вещей".[1]

Пребывание Ломоносова в Фрейберге ознаменовалось, кроме изучения наук и составления отчетов о занятиях, крупным новым поэтическим достижением — написанием оды на взятие русскими войсками Хотина (19/VIII 1739 г.) и составлением „Письма о правилах российского стихосложения".

Весной 1740 г. курс металлургии был пройден, пробирным искусством Ломоносов уже овладел, курс химии окончен. Он хотел бы вернуться на родину, но Академия Наук денег не присылала, Генкель в кредит не верил, Ломоносов оказался в тяжелом положении: по его словам, „во Фрейберге мне не токмо нечего было есть, но и нечему более учиться". Он решил как-либо добраться до Лейпцига, где открывалась знаменитая ярмарка и где он предполагал встретить русского посланника и прежнего президента Академии — бар. Кайзерлинга. Но каково же было его огорчение и несчастье, когда он узнал, что Кайзерлинг уехал из Лейпцига в Кассель. Ломоносов при помощи нескольких добрых друзей из Марбурга направился в Кассель, но и там посланника не было. Без копейки денег, со случайной помощью друзей, Ломоносов под видом бедного немецкого студента исколесил северозападную Германию и Голландию в надежде получить помощь для обратной поездки в Россию. Вернулся в Марбург, занял немного денег, видимо, пешком отправился во Франкфурт, оттуда водой в Роттердам и Гаагу. Здесь обратился к русскому посланнику в Голландии гр. Головкину, но тот решительно отказал в помощи и „не хотел вовсе ввязываться в это дело".

Блуждая по Голландии, он отправился в Амстердам, надо полагать, по старым воспоминаниям о голландцах из этого города, с которыми торговали его земляки-поморы; и здесь, по счастью, встретил несколько знакомых купцов из Архангельска. Вероятно, какую-либо незначительную помощь они ему оказали, но вели себя уклончиво и совершенно отсоветовали без прямого приказания возвращаться в Петербург; они „представили мне, — вспоминал Ломоносов позднее, — кучу опасностей и несчастий". Пришлось снова возвращаться в Германию, в Марбург.

О возвратном пути Ломоносов умалчивает. Но в его письме к Шумахеру от 17 ноября 1740 г. есть знаменательная фраза: „Колику опасность и нужду претерпел я, мне самому страшно даже и вспомнить".[2]

---

[1] Б. Меншуткин, Жизнеописание, стр. 51.

[2] А. А. Куник, Сборник материалов для истории Академии Наук в XVIII в., СПб, 1865.

Вид г. Фрейберга времен пребывания в нем М. В. Ломоносова

(С гравюры 1740 г.)

Академик Штелин в своих мемуарах и анекдотах о Ломоносове, относя неправильно к 1741 г., рассказывает об одном происшествии, которое имело место в мае — начале июня 1740 г., при возвращении Ломоносова из Голландии в Марбург. В расстоянии двухдневного пути от Марбурга, по дороге в Дюссельдорф, Ломоносов зашел в какое-то местечко переночевать в гостинице (скорее — трактире). Здесь он встретил прусского офицера, который вербовал новобранцев. Веселая компания пригласила голодного студента поужинать, хорошо угостила и под пьяную руку его уговорили вступить в армию, навязали красный галстук и сунули в карман несколько прусских монет. Ломоносов оказался поневоле прусским гусаром (рейтаром).

Велико было изумление и негодование Ломоносова на следующий день, когда он узнал, как его околпачили; протестовать было бесполезно; он поступил хитро, притворился довольным, а сам обдумывал, как ему избавиться от навязанной военной службы. Под конвоем он с другими новобранцами был отправлен в пограничную крепость Везель и помещен в крепостной караульне. При первом удобном случае Ломоносов ночью, с опасностью для жизни, вылез из окна, прополз мимо часовых, взобрался на стену, преодолел вал, ров и выбрался в открытое поле, по которому и бежал. Едва стало светать, раздался пушечный выстрел, который извещал о замеченном побеге; открылись ворота крепости и за ним помчалась погоня; Ломоносов, собрав силы, бежал к вестфальской неукрепленной границе и скрылся в лесу, в котором от страха и чрезмерного волнения пролежал до вечера.

Вернувшись в Марбург, Ломоносов нашел себе приют у друзей и вскоре женился (6 июня 1740 г.) на своей давней привязанности — Елизавете Цильх, дочери ремесленника и церковного старшины. В доме тестя и стал жить скрытно, спасаясь от надоедливых кредиторов. Однако и в этот тяжелый в материальном отношении период Ломоносов научных занятий не оставлял.

Скитания по Европе, несмотря на тягостную сторону безденежья, имели большое научно-познавательное значение: Ломоносов увидал не только много крупных городов с их прекрасными сооружениями, осматривал музеи, картинные галлереи, фабрики-мануфактуры, заводы, проявляя всюду глубокую любознательность, но также входил в непосредственное общение со многими людьми, встречавшимися на пути.

Эту сторону сам Ломоносов отмечал в письме к Шумахеру: „Утешаю себя тем, что мне удалось в знаменитых городах побывать, поговорить с некоторыми искусными химиками, осмотреть их лаборатории и взглянуть на рудники в Гиссене и Зигене".

Академия, узнав об уходе Ломоносова из Фрейберга и его бедственном положении, разыскивала его и посылала несколько раз распоряжение о немедленном возвращении в Петербург, но все же денег долго не высылала. Наконец, деньги были получены, весной 1741 г. Ломоносов поехал в Амстердам, где сел на корабль и прибыл в Петербург 8 июня 1741 г.

Заграничная командировка сыграла огромную роль в образовании Ломоносова: благодаря исключительному таланту, упорному труду, превосходному руководству и неустанному ознакомлению с западно-

европейской наукой, техникой и культурой, он оказался на уровне передовой европейской мысли. Он усвоил материалистическое мировоззрение, глубоко изучил физику, химию, математику и естественные науки, овладел методами точного знания, в особенности оценил значение экспериментальных лабораторных работ, овладел иностранными языками, в частности легко говорил и писал на латинском языке, как языке ученых того времени. Наконец, он на живых примерах убедился, насколько Россия XVIII века была отсталой страной сравнительно с Западом, тогда как природные богатства ее были весьма значительны; силы и дарования русского народа были задавлены и не получили своего естественного развития и расцвета. Отсюда у Ломоносова возникло и окрепло страстное желание — науку и культуру Запада передать России.

ЛОМОНОСОВ В АКАДЕМИИ НАУК

Вернувшись в Петербург, Ломоносов готов был с энергией отдаться научной работе. Однако на этом пути встретились новые препятствия и осложнения. В Академии в те годы властвовал правитель канцелярии Шумахер, известный двору. Приходилось ждать милости Шумахера. По его заступничеству Ломоносов сначала был оставлен в качестве научного сотрудника Академии Наук и выполнял разные мелкие поручения: составление каталога минералов, переводы статей (для „Санкт-Петербургских Ведомостей"), сочинение од, оформление научных диссертаций, привезенных им из-за границы, и другие работы.

8 января 1742 г., после неоднократных заявлений и просьб, он был назначен адъюнктом Академии по физическому классу, с жалованьем в триста шестьдесят рублей в год. Еще по приезде ему были отведены две комнаты в доме Академии Наук, он получил достаточное по тому времени материальное обеспечение. Но при господстве немцев в Академии Ломоносову, как природному русскому человеку, с „мужицким" гонором, особого хода не давали.

Он скоро заметил, насколько ниже его по уму и по образованию стояли некоторые академики и адъюнкты Академии, обласканные и поддерживаемые Шумахером и его компанией. Ломоносова не продвигали, важных работ не поручали. Это его обидело. Он сблизился с противниками и врагами „немцев" и принял участие, скорее косвенное, чем прямое, в борьбе против Шумахера.

Испытывая постоянную зависимость и мелочный контроль со стороны чиновной бюрократии, даже в своей личной жизни со стороны садовника-немца и его приятелей, которые не давали Ломоносову овощей из академического огорода, дров, свечей и прочего, Ломоносов в бурной форме протестовал против „немцев". Начался ряд скандалов, в которых Ломоносов являлся активным участником.

В результате острых столкновений Ломоносов подвергнут был аресту, просидел „под караулом" (домашним арестом) около семи с половиной месяцев (с 28 мая 1743 г. до 18 января 1744 г.). Он был освобожден под условием в „учиненных продерзостях" у профессоров „просить прощение", что им и было сделано в заседании конференции Академии 27 января 1744 г.

В эти годы (1743—1744) Ломоносов обучал одного из студентов университета химии, минералогии и стихотворному искусству, подготовлял научные работы. Во время ареста написал свои известные поэтические произведения: „Вечернее" и „Утреннее" размышления. В одном из них он ярко, образно описал солнце. Составил книгу по металлургии и провел ряд исследований в области физики, отчасти химии; много занимался в библиотеке Академии.

Будучи специалистом-химиком по своей подготовке, Ломоносов в 1745 г., зная о том, что он известен в высших кругах своими одами, подал на имя императрицы Елизаветы ходатайство о назначении его профессором-академиком на освободившееся в Академии место профессора химии, на которое и был назначен указом 25 июля 1745 г. С этого времени и началась его более широкая и кипучая работа в качестве полноправного члена Академии; продолжалась она в течение двадцати лет, до самой смерти. Материальное положение его значительно улучшилось: он получил большой оклад (660 рублей в год), удобную квартиру; к нему приехала из Германии жена (с дочерью), которая доставила ему необходимый для научных занятий уют.

В течение двадцати лет вся жизнь и деятельность Ломоносова тесными, неразрывными узами была связана с Академией. Он украшал ее собой, был творцом и вдохновителем русской науки, ее пламенным защитником и неутомимым пропагандистом.[1]

НАУЧНЫЕ РАБОТЫ ЛОМОНОСОВА В ОБЛАСТИ ФИЗИКИ, ХИМИИ И ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

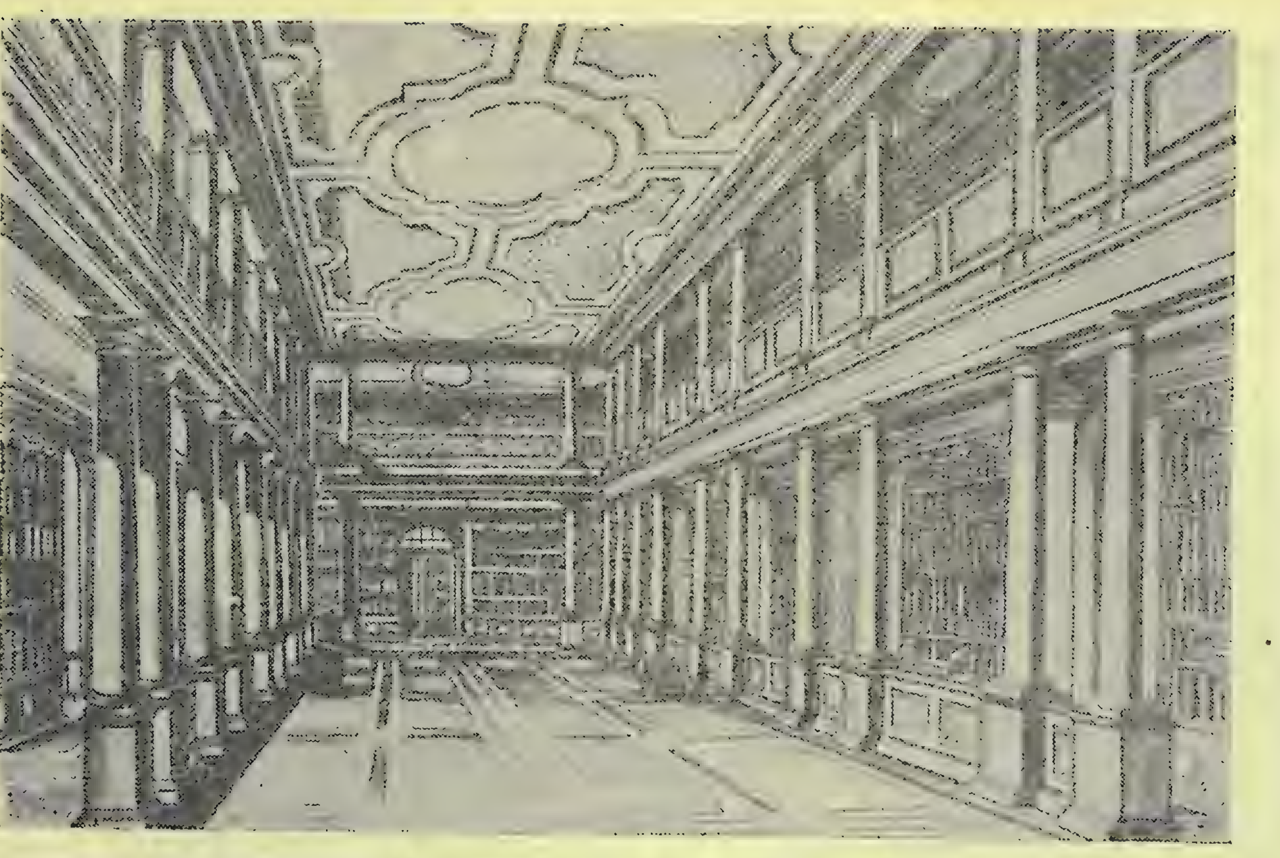
Современники более всего ценили в Ломоносове поэта и писателя. Но еще А. С. Пушкин, как указано выше, силою гения понял, что Ломоносов „обнял все отрасли просвещения". Изучение подлинного рукописного наследства Ломоносова в последующее время дало возможность понять и оценить всю гигантскую работу мысли М. В. Ломоносова, как выдающегося философа-материалиста, крупнейшего физика и химика, энциклопедически образованного многостороннего ученого, оставившего заметный след почти во всех отраслях знания. Но особо важно подчеркнуть, что Ломоносов был пламенным патриотом, борцом за науку и просвещение народных масс.

Философские взгляды Ломоносова[2] сложились под влиянием передовых идей того времени — идей Декарта, Локка, Ньютона, Гоббса, Лейбница и французских энциклопедистов. Он стал последователем ма-

---

[1] О деятельности Ломоносова в Академии Наук см. сборник „Известия Ак. Наук СССР, Обществ. отд.", 1937, № 1, а в нем статьи: а) Б. Меншуткин, Жизнеописание, стр. 35—147; б) Б. Д. Греков, Деятельность Ломоносова в Академии, стр. 175—200. Сверх того: П. П. Пекарский, История Академии Наук, т. II, стр. 259—892 и приложения, стр. 893—963, а также материалы, собранные академиками П. С. Билярским, А. А. Куником и В. Ламанским в изданиях, указанных выше.

[2] И. Бурмистенко, Философские взгляды Ломоносова, журн. „Под знаменем марксизма", 1938, № 9, стр. 110—137. Г. Васецкий, Философские и общественно-политические взгляды М. В. Ломоносова, журн. „Фронт науки и техники", 1938, № 6, стр. 100—119.

Перспективный вид библиотеки Академии Наук в С.-Петербурге

(С гравюры 1737 г.)

териализма, решительно защищал идею материальности мира, его несотворимости, изменчивости. Он был убежден, что только сила человеческого разума путем наблюдений и опыта, систематическим размышлением проникает в могучую и бесконечно разнообразную природу и дает истинное понятие о вещах, об их „потаенных действиях“ и причинах.

Отстаивая права науки на свободу исследовательской мысли, Ломоносов ведет решительную борьбу против религии и церковников. Он, следуя известному ученому XVII века Бойлю и деистам, считал, что мир существует на основе однажды установленных вечных законов и постоянного вмешательства сверхъестественного существа — бога — не требует. Мир, по представлению Ломоносова, вечно изменяется, находится в непрерывном движении, от которого происходят „великие перемены“; познать причины этих изменений — дело науки. Ломоносов с иронией говорит о некоторых „умниках“, якобы „философах“, которые „выучились наизусть повторять три слова: „бог так сотворил“ и давать такой ответ вместо объяснения причин.[1] Вера и знание, бог и природа имеют свои отграниченные области, особые методы изучения и две книги: книгу природы и священные книги; первую читают ученые, вторые — церковники. В остроумной форме Ломоносов дает пояснение и критику действий, вытекающих от смешения религии и науки. „Нездраво рассудителен математик, ежели он хочет божескую волю вымерять циркулем. Таков же и в богословии учитель, если он думает, что по псалтыри научиться можно астрономии и химии.[2]

Ломоносов открыто не отвергал религии, но по существу в своих работах развивал представление о материальности мира. Он допускал множественность миров, возможность жизни на других планетах, а не только на земле. Рациональными методами познания и пропагандой научных воззрений не только в специальных работах, но и в одах, поэмах, гимнах, сатирах, эпиграммах и прочих поэтических произведениях Ломоносов наносил решительный удар церковно-религиозному направлению российского просвещения, а косвенно и вере в бога. После Ломоносова наука получила свои права на существование; также окончательно утвержден был в России именно им светский характер образования.[3] Ломоносов занимается изучением строения материи, впервые формулирует атомистическую теорию, наметив понятие о молекуле (по его терминологии „корпускуле“) и атоме („элементе“); она служила для него самым существенным научным воззрением, положенным им в основу изучения природных явлений. Эта теория была окончательно сформулирована только в 1860 г. на специально созванном международном конгрессе в Карлсруэ. Исходя из своих теоретических взглядов на материю, Ломоносов в письме к Эйлеру (5 июля 1748 г.) гениально предвосхитил, а затем экспериментально, путем взвешивания, подтвердил за семнадцать лет до Лавуазье закон сохранения вещества при химических превращениях. „Этот закон природы, — писал он, — всеобщ,

---

[1] М. В. Ломоносов, Сочинения, изд. Ак. Наук, т. VII, стр. 212.
[2] Там же, т. V, стр. 127.
[3] П. Пекарский, Наука и просвещение при Петре I; В. Кузнецов. История русской науки, 1940.

он простирается даже в правила движения". Учитывая приоритет Ломоносова, этот закон можно называть законом Ломоносова.

Другим имеющим громадное значение для науки шагом Ломоносова было то, что он выдвинул идею союза наук: химии, физики и математики, вследствие чего химия превращалась в точную науку. Установлением связи между физикой и химией, введением математического метода исследований и многочисленными блестящими экспериментами, с применением впервые в химии количественного анализа, Ломоносов предвосхитил идеи современной физической химии.

В программе опытов по физической химии главное внимание он обращал на растворы, которые образуют вода и прочие жидкости с солями и другими веществами. В растворимости он строго различал два случая: а) растворение, связанное с выделением теплоты (например металла в кислоте) и б) растворение, происходящее с поглощением теплоты (например соли в воде).

Была выдвинута также проблема изучения продуктов кристаллизации растворов; особое внимание при этих работах было сосредоточено на определении растворимости солей при разных температурах, от 0 до 100° стоградусной шкалы.

Своей замечательной программой физико-химических опытов, в частности по изучению растворов, Ломоносов на сто лет предупредил работы знаменитого европейского ученого Оствальда, которым основана была как самостоятельная наука физическая химия и введена была новая методология физико-химического анализа.

Открытия Ломоносова оставались неизвестными для западноевропейских ученых, и Оствальд, например, только в 1915 г. ознакомился с трудами своего предшественника — Ломоносова.

Опубликованные в 1940 г. „Лабораторный журнал и лабораторные записи М. В. Ломоносова" дают новые материалы о работах Михаила Васильевича в области химии.[1]

С 1749 г. Ломоносов принялся за экспериментальные исследования; особенно интенсивны были опыты в 1751—1756 гг. Работы его велись в это время в двух основных направлениях: а) исследования по выработке способов изготовления окрашенных стекол, смальт (смеси для мозаичного производства) и фарфора; б) чтение курса лекций физической химии. К этому добавлялись анализы и экспертизы разных продуктов.

По журналам видно: вырабатывая метод окраски стекол, Ломоносов сделал свыше трех тысяч опытов и добился способа изготовления стекла всевозможных цветов и оттенков, что им и было блестяще использовано при производстве мозаических картин.

Ломоносов организовал и выстроил (в 1748 г.) для опытов первую в России химическую лабораторию, оборудовав ее по последним западноевропейским образцам. Она служила для научных исследований самого Ломоносова и для целей преподавания, что являлось новостью и для Европы. Для этой лаборатории Ломоносов изобрел множество остроумных приборов. Работы Ломоносова имели вполне определенную

---

[1] См. сборник статей, изд. Ак. Наук, под заглавием „Ломоносов", 1940, стр. 10—65.

установку — „пользу и честь отечеству принести“ и практически преломлялись в ряде проектов из области химии и физики.

В первые годы своей академической деятельности (с 1742 до 1748 г.) Ломоносов много работал в области физики. В это время он подготовил и написал свои замечательные исследовательские работы:

1. О нечувствительных физических частицах (1744 г.).
2. Размышления о причине теплоты и холода (1745 г.).
3. О движении воздуха, наблюдаемого в рудниках.
4. Попытка теории упругой силы воздуха.

В то же время Ломоносов работал совместно со своим другом академиком Рихманом, выдающимся передовым физиком-экспериментатором, крупным теоретиком, одним из основателей русской физики. Ломоносов и Рихман начали крупные работы в области молекулярной физики, электростатики, метеорологии и атмосферного электричества. Это была новая отрасль знания, которая достигла наиболее блестящих успехов в работах американского ученого Франклина. По тому же пути шли и опыты Рихмана и Ломоносова. Они занялись изучением сильных гроз и свойств электричества. Рихман изобрел простой, но остроумный прибор — „громовую машину“, при помощи которой можно было во время грозы извлекать искры. То же сделал и Ломоносов в своей квартире и на ней производил свои наблюдения. 26 июля 1753 г. во время сильной грозы оба академика — Ломоносов и Рихман — производили свои наблюдения у громовой машины. Во время этого опыта Рихман был убит молнией, Ломоносов остался жив. В письме к И. И. Шувалову сам Ломоносов взволнованно рассказывал об этом.

„Пишу Вашему превосходительству, за чудо почитайте для того, что мертвые не пишут. Я не знаю еще, по последней мере сомневаюсь, жив ли я или мертв“. „Проф. Рихмана громом убило в тех же точно обстоятельствах, в которых я был в то же самое время“. „Был сильный гром, дождя ни капли. Я стоял у громовой машины и дожидался электрических искр из проволоки, которой я дотыкался. Внезапно грянул гром в тот момент, как я, — писал Ломоносов, — руку держал у железа и искры трещали. Все от меня прочь побежали“. Через короткое время появился служитель Рихмана и сообщил, что Рихмана „громом зашибло“. То же самое грозило и Ломоносову. Об этой смерти друга Ломоносов отзывался: умер он „прекрасной смертью“, „исполняя долг“ по своей научной профессии.[1]

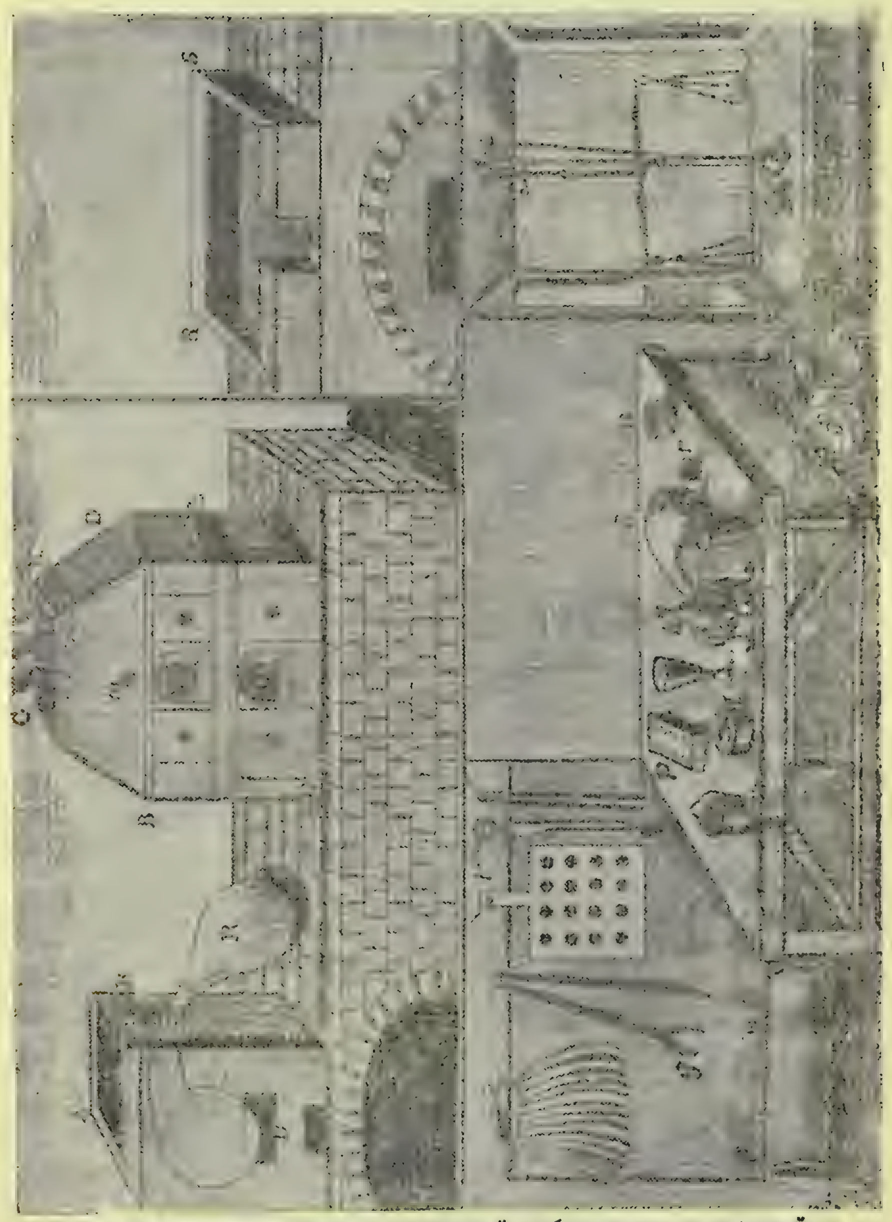
Результатом наблюдений и опытов по вопросу о грозах и электричестве было „Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих“ (1753 г.), а позднее работа, оставшаяся не законченной: „Теория электричества, разработанная математическим путем“ (1756 г.).

В этих работах[2] Ломоносов развивал передовые для того времени идеи о восходящих и нисходящих воздушных течениях, трении частиц и образовании электрической силы. Основная мысль его сводилась

---

[1] Напечатано письмо полностью у Меншуткина, Жизнеописание, 2-е изд., стр. 111—113; Шторм, стр. 98—100.

[2] Напечатаны в изд. „Сочинения М. В. Ломоносова“, т. III; О них — Меншуткин, Труды М. В. Ломоносова по физике и химии, изд. Ак. Наук, 1936, стр. 537.

Инструменты и приборы химической лаборатории, построенной и оборудованной М. В. Ломоносовым

к тому, что „электричество есть очень быстрое вращательное движение частиц эфира“.[1] Следует отметить, что в области воздушных течений, холодных и теплых, идеи Ломоносова были изучены и проверены опытом только в семидесятых—восьмидесятых годах XIX века, преимущественно американскими учеными. Ломоносов же совместно с Рихманом за сто двадцать лет до того провел много смелых и интересных опытов в области изучения атмосферного электричества.[2]

Ломоносов в течение всей своей жизни, начиная с юношеских лет на родине, интересовался северными сияниями и производил над ними наблюдения. Одно из них (бывшее 23 января 1750 г.) было описано им подробно. Со многих выдающихся сияний Ломоносов сделал собственноручно зарисовки и приготовлял с рисунков гравюры. До нас дошло одиннадцать медных досок с выгравированными изображениями северных сияний. Гравюры сделаны превосходно. Они должны были выйти в свет, как приложения к большой работе Ломоносова, под заглавием: „Испытание причин северных сияний“. Труд был начат, но написано было только два параграфа. Ломоносов совершенно правильно утверждал, что северное сияние „от электрической силы происходит“; следовательно, он шел далеко впереди учения Декарта, считавшего, что северное сияние представляет отражение блеска полярных льдов.

Работу Ломоносову не удалось углубить и закончить, его объяснения являлись слишком общими, но они разделялись учеными XIX века и только в XX веке, на основе электронной теории, оказалось возможным дать более глубокое объяснение северных сияний (теория корпускулярного излучения солнца).[3]

Крупные работы Ломоносов провел в области геологии и минералогии. Наиболее важные из них: 1) О рождении металлов от трясения земли (речь 1757 г.); 2) Первые основания металлургии или рудных дел (1763 г.) и 3) О слоях земли (добавление к предыдущей работе).

В речи 1757 г. Ломоносов, указывая на строение земной коры и анализируя возможные случаи землетрясений, впервые, за шестьдесят лет до Юнга, которому приписывают открытие волнообразных колебаний земной поверхности, устанавливает тип волнообразных колебаний земной коры и высказывает соображения об определении возраста гор на основе действия вулканических сил.[4]

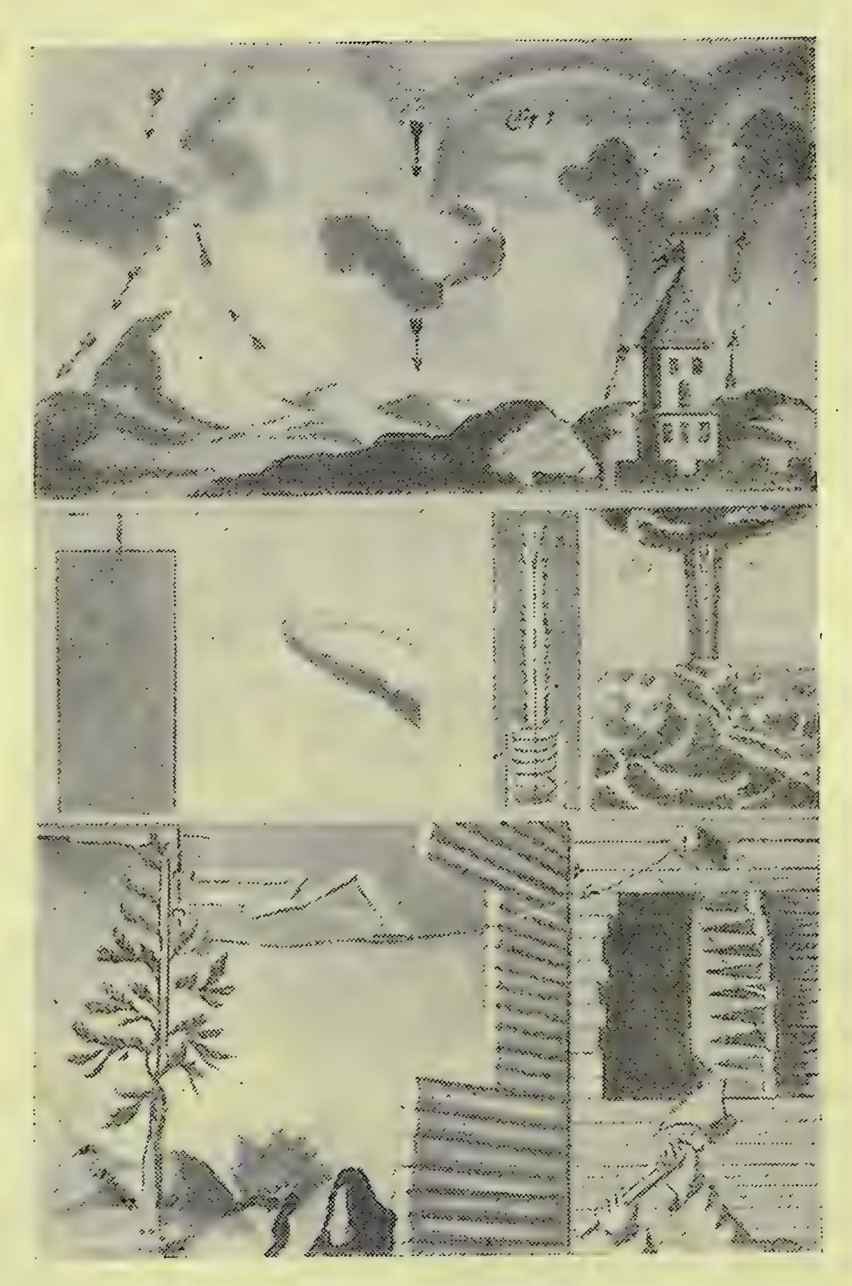
Ломоносов высказал идею о „нечувствительных землетрясениях“, которые медленно, незаметно выводят пласты из горизонтального положения и тем создают возвышенности и низины, вызывают сдвиги жил и пр.[5]

В работах о полезных ископаемых, их происхождении и возрасте Ломоносов первый дал правильное понятие о рудных жилах (А. Сауков).

За двадцать восемь лет до Вернера, который опубликовал о том же свое исследование только в 1791 г., Ломоносов заявлял, что жилы

---

[1] Б. Меншуткин, Жизнеописание, стр. 114.
[2] Там же, стр. 159—190.
[3] П. П. Покотило, Полярные сияния, журн. „Советский Север“ 1938, № VI, стр. 62—68.
[4] М. В. Ломоносов, Сочинения, изд. Ак. Наук, т. V, стр. 1—31.
[5] См. статью А. А. Саукова в сборнике Ак. Наук „Ломоносов“, 1940, стр. 207—212.

Иллюстрации, приложенные к исследованию М. В. Ломоносова „Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих“.

разного возраста несут и разные минералы, то есть он вплотную подходил к современным идеям о последовательности отложения минералов. В работах по металлургии взгляды Ломоносова на происхождение руд и горных пород отражали передовые течения тогдашней науки и практики.

Ломоносов дал первый научный обзор минеральных богатств России (притом на русском языке). Он правильно объяснил происхождение из органического вещества торфа, ископаемых углей и нефти и доказал, что янтарь представляет собою окаменелую смолу деревьев.

При изучении недр он рекомендовал применять точные физико-химические и математические методы.

Будучи глубоким теоретиком, наблюдателем и экспериментатором, уверенный в обилии горных богатств своей родины, он писал: „По многим доказательствам заключаю, что и в северных земных недрах пространно и богато царствует натура. А что не так много находят дорогих металлов и камней, тому не стужи, но следующие причины препятствуют, натуральные и политические: 1) что каменные внутренности земные по большей части покрыты черноземом и песками; 2) что искать оных сокровищ некому, сколько ради незнания, паче для малолюдства", а „металлы и минералы сами на двор не придут, требуют глаз и рук к своему прииску".[1]

В своей книге „Первые основания металлургии" Ломоносов давал не только теорию, но и практическое руководство по горному делу, металлургии, поиску рудных местонахождений, организации рудников, маркшейдерскому (разведывательному) искусству и технике разработки руд. Поэтому Ломоносова с полным правом нужно назвать не только первым нашим геологом и минеролотом, но и „первым теоретиком-поисковиком и разведчиком" (Саутин).

Ратуя за широкую разработку природных богатств Урала, севера, за отыскание руд по всем областям, Ломоносов выступил перед Академией Наук с замечательным проектом — привлечь к сбору ископаемых металлов, минералов и редкостей в качестве корреспондентов: заводчиков, рудных мастеров и крестьян, в частности деревенских мальчиков.

Интересное открытие было сделано Ломоносовым в области астрономии: наблюдая прохождение Венеры по солнечному диску 26 мая 1761 г. он открыл явление, не замеченное другими учеными, — существование у Венеры атмосферы; лишь позднее, в 1791 г., это открытие вновь было сделано Шратером и В. Гершелем.

Занятия Ломоносова по метеорологии также были весьма содержательны; он пробовал изобрести самопишущие приборы для определения температуры, для наблюдения над силой ветра; предполагал устроить метеорологическую обсерваторию (станцию) с самопишущими приборами; пытался изучить верхние слои атмосферы.

Крупные работы произведены были Ломоносовым в области географии. С марта 1758 г. он стал во главе Географического департамента Академии Наук. Департамент имел целью составить новый

[1] См. журн. „Проблемы советской геологии", 1938, № 3, статья В. М. Крейтера; Ср. „Ломоносов", изд. Ак. Наук, стр. 211.

большой „Российский атлас“ и обучить картографии русских студентов и геодезистов.

В 1745 г. Атлас был издан с разрешения Шумахера, но с ошибками, которые нужно было исправить. Работа Ломоносова в Географическом департаменте шла по трем основным направлениям: 1) укрепление позиции департамента, как учреждения с определенными функциями государственного значения; 2) сохранение, увеличение и подготовка кадров русских геодезистов и картографов; 3) составление нового Атласа, исправленного согласно последним научным данным.

В целях получения этих данных Ломоносов, а за ним Миллер разработали анкеты, разосланные по городам, селам и деревням (1759 г.). Ломоносову принадлежит замечательный проект организации астрономо-географических экспедиций (1760 г.) по всей Европейской России и Сибири. Осуществлено было только две — в Сибирь.

В работе по Географическому департаменту Ломоносову пришлось столкнуться с крупными затруднениями, „недоброхотством“, временами непреодолимыми препятствиями со стороны академической администрации, возглавляемой Шумахером и Тепловым и поддержанной историографом Миллером. К тому же планы и требования правительственных учреждений неоднократно менялись, что крайне осложняло работу Ломоносова.

Академия, несмотря на неоднократные требования Ломоносова, не издала ни одной карты из приготовленных им (Ломоносовым) девяти карт и ряда других специальных карт, подготовленных, но еще не „апробованных“ (не утвержденных).

Несмотря на всяческое противодействие со стороны недоброхотов, Ломоносову в области подготовки издания Атласа удалось накопить большой фактический и картографический материал, который и был в значительной мере использован позднее.

Еще более важное значение имело то, что Ломоносов на ряду с текущей работой над картами и изданием глобуса на русском языке для „общей пользы“, ставил более широкие исследовательские проблемы в области географии (особенно в проекте об экспедициях), а также энергично заботился о подготовке кадров русских географов, картографов и геодезистов. В числе новых географических проблем, выдвинутых Ломоносовым, нужно указать на замечательный проект Ломоносова о северном морском пути на восток.

ЛОМОНОСОВ И АРКТИКА

Вопросами изучения Арктики и проблемой северного морского пути[1] Ломоносов в сущности занимался всю свою жизнь, с юношеских лет. Еще в оде 1747 г. он писал о Северном океане: „Там влажная стезя белеет — на Всток плывущих кораблей, Колумб российский

[1] В. А. Перевалов, Ломоносов и освоение Арктики, журн. „Советская наука“, 1939, № 4, стр. 109—118; Сборник статей „Ломоносов“, изд. Ак. Наук, 1940; В. Перевалов, Труды Ломоносова по географии северных полярных стран, стр. 267—285 „Проект Ломоносова и экспедиция Чичагова“, СПб., 1854, стр. 150; Б. Рихтер, Забытая экспедиция, журн. „Наша родина“, 1939, № 3, стр. 42.

(разумелся Беринг) через воды спешит в неведомы народы". В других местах своих поэтических произведений Ломоносов умственным взором предвидел открытие русскими мореходами новых земель и путей между льдами на восток.

Работы Ломоносова пятидесятых—шестидесятых годов над полярными льдами, над „ходом в Ост-Индию" Сибирским океаном, собирание исторических материалов о плаваниях по северным морям норвежцев, голландцев и англичан, а также русских поморян и предприимчивых промышленников — холмогорца Алексеева и Дежнева — из Великого Устюга — выразились в капитальной монографии, под названием: „Краткое описание путешествий по северным морям и показание возможного прохода Сибирским океаном в Восточную Индию" (1763 г.).

Указанная монография была одной из самых замечательных географических книг того времени.[1] Она, прежде всего, показывала, что путь на Восток прокладывался наряду с иностранцами еще в большей мере предприимчивостью и неутомимым трудом русского народа; что „Сибирский океан" на расстоянии пятисот — семисот километров от берегов в летние месяцы „от таких льдов свободен, кои бы препятствовали корабельному ходу и грозили бы опасностью быть мореплавателям затертым"; что возможен проход из Белого моря „мимо северо-восточного конца Новой Земли к Чукотскому Носу", а далее к Тихому океану и в Индию, страну чудес, которая издавна манила своими сказочными богатствами. Ломоносов выдвинул перед Адмиралтейством проект организации правительственной экспедиции для нахождения морского пути на Восток, „доказывая возможность оной по разным натуральным причинам".

В своем проекте Ломоносов выяснил огромное значение Северного океана для России в сравнении с другими закрытыми морями (Каспийским, Черным и даже Балтийским, выход из которого находился в руках соседних государств). С чувством патриотической гордости он писал: „Северный океан есть пространное поле, где усугубиться может российская слава, соединенная с беспримерною пользою, через изобретение восточно-северного мореплавания".

Адмиралтейская коллегия высказала сомнение в возможности северной экспедиции. По мысли Ломоносова, для проверки его ученых соображений были вызваны из Архангельска промышленники, занимавшиеся зверобойным промыслом, и моряки — матросы из Кронштадта, плававшие в Баренцовом море. Особенно важны были показания крестьянина-помора Корнилова, который доходил до Шпицбергена и вывез оттуда шестилетних зимовщиков: Хинкова с товарищами.

Проектом Ломоносова заинтересовались в „сферах": крупные монополисты зверобойных промыслов и дельцы во главе с П. И. Шуваловым увидели в этом проекте способ найти новые места зверобойного промысла, истратив на предварительные изыскания вместо своих государственные средства. Они воздействовали на коллегию и изменили направление проектированной экспедиции. Ломоносов предлагал маршрут на восток от северовосточной оконечности Новой Земли, по направлению к Берингову проливу, что соответствовало задаче —

[1] Напечатана в „Сочинениях М. В. Ломоносова", т. VII, стр. 32—86.

открыть морской путь в Тихий океан. Адмиралтейская коллегия избрала другое направление — она решила направить экспедицию в район между Шпицбергеном и Гренландией. Экспедиция должна была иметь целью не только научный интерес, но и практическую пользу, подсказанную и настоятельно проведенную П. И. Шуваловым — „возобновление китовых и других звериных и рыбных промыслов на Шпицбергене“.

Ломоносов, боясь провала всего проекта исследования Арктики, принужден был согласиться с этим вариантом и принял деятельное участие в организации самой экспедиции 1764—1765 гг. Он участвовал в составлении карты, инструкций и наставлений мореплавателям; под его „смотрением“ изготовлялись в Академии Наук приборы — подзорные трубы, морские барометры и разные термометры, квадранты; обучались штурманы, их ученики. Ломоносов вникал во все детали экспедиции, помогая ей в изготовлении инструментария. Экспедиция была снаряжена в составе трех кораблей под командой капитана 1-го ранга (позднее адмирала) Чичагова и вышла в море летом 1765 г. из Архангельска в тот момент, когда ее вдохновителя уже не было в живых. Нужно добавить, что экспедиция должна была снаряжаться в глубоком секрете и даже самый указ о ней от 14 мая 1764 г. не был объявлен сенату, во избежание огласки как у нас, так в особенности за границей.[1]

Экспедиция Чичагова оказалась неудачной. Летом она дошла до Шпицбергена, а затем до $80^{0}26'$ северной широты, но ни в этом году, ни в следующем, взяв неправильное направление, не могла пробиться сквозь сплошные тяжелые льды и, боясь быть затертой льдами, вернулась обратно в Архангельск. Чичагов позднее оправдывался в своих неудачах наличием льдов даже там (в Западной бухте Шпицбергена), где, по уверению якобы Ломоносова, летом льда не бывает. Лед же был такой толщины и плотности, что он, Чичагов, боялся за целость своего корабля, но за людей не опасался, так как по образовавшемуся льду легко было сноситься с берегом.

Следует отметить, что Чичагов в своем отчете неудачу экспедиции объяснял природными условиями, неожиданными непреодолимыми осложнениями и даже не постеснялся кольнуть умершего Ломоносова за сообщенные им материалы, взятые от других. Однако, собственную репутацию Чичагов по карьерным соображениям тщательно охранял. И эта цель — его реабилитация — ему удалась лучше, чем сама экспедиция. Результатом было то, что блестящий проект полярных исследований, разработанный Ломоносовым, вследствие неудачи экспедиции 1765—1766 гг. на долгие годы оказался скомпрометированным.

Однако путь на Восток, указанный Ломоносовым на основе глубокого изучения материалов и научного предвидения, по существу оказался верным: после ряда неудач многих экспедиций, он был открыт в 1878/79 г. знаменитым шведским путешественником ученым А. Норденшёльдом, который на судне „Вега“ прошел с запада через Югорский шар в Карское море, достиг гавани Диксона (в Енисейском заливе), обогнул мыс Челюскин, прибыл к устьям Лены, а затем во-

[1] Текст указа напечатан полностью в издании: „Проект Ломоносова и экспедиция Чичагова“, СПб., 1854.

шел в Берингов пролив. За последние десять лет путь этот обстоятельно изучен и уже освоен советскими полярниками, доказавшими его громадное хозяйственное значение и полную возможность широкого использования.

Изучение архивных документов недавних лет показало, что Ломоносову принадлежит идея и организация экспедиций, которые имели бы целью более полное изучение плавания по Северному Ледовитому океану. После экспедиций Беринга и Чирикова и рассказов о привезенных ими шкурах морского бобра, среди предприимчивых дельцов Сибири и северных поморян распространились вести о „Бобровом море“, новых островах и богатой добыче в Тихом океане. На средства купцов строились суда, промышленники устремлялись на Восток, открыты были Алеутские острова, собирались сведения о северозападном побережье Америки.

В числе других в 1758 г. из Нижнекамчатска отправился в открытое море Степан Глотов на судне московского купца Никифорова. Ему удалось открыть новые Алеутские острова. С материалами Глотова и других таких же промышленников познакомился Ломоносов, который сразу же оценил их значение. Он составил дополнительный проект к своему прежнему и в апреле 1764 г. подал его в Адмиралтейскую коллегию. К нему относилась вторая, новая карта, на которой нанесены были вновь открытые Алеутские острова и Аляска в виде острова (или может быть мыса) по берегу Северной Америки. Ввиду новизны и важности этих открытий карта в копии была представлена Екатерине II. На карте обозначены были маршруты двух запроектированных экспедиций: Чичагова — от Шпицбергена и Креницына — от острова Уманака — Алеутской группы. В мае 1764 г. одновременно и состоялись указы об организации экспедиций Чичагова и Креницына.

Подготовка и снаряжение обеих экспедиций происходила почти в одно и то же время, и Ломоносову пришлось активно участвовать и в снаряжении экспедиции Креницына, которая отправлялась в июле 1764 г. через Сибирь на Камчатку. Вернулась она через семь лет (в октябре 1771 г.). Она производила астрономические измерения, географическое описание и составила первую обстоятельную карту Алеутских островов, полуострова Аляски; собрала и привезла богатые этнографические материалы о жизни и быте алеутов и других народов Северной Америки. Таким образом, „научное открытие Аляски началось по инициативе Ломоносова“.[1] Экспедиция формально закрепила Аляску за Россией. Но это не было оценено царским правительством; в 1867 г. за незначительную сумму Аляска, страна с богатейшими, правда, в то время еще не выявленными запасами золота, меди и других металлов и минералов, была продана США.

Ломоносов в своих проектах поставил гигантскую проблему, которая более чем на столетие опережала его время. Задача овладения Севером была не под силу царской России. В 1767 г. адмиралтейская коллегия, узнав об открытии Чиракиным пролива Маточкин шар, вздумала было организовать небольшую экспедицию на частном судне для

---

[1] На это указано новейшим исследователем заслуг М. В. Ломоносова — Переваловым, см. сборник Ак. Наук „Ломоносов“, 1940, стр. 282—283.

обследования маршрута, первоначально выдвинутого Ломоносовым (от Новой Земли через Карское море на восток). Плавание экспедиции в 1768/69 г., руководимой Розмысловым, слабо организованное, привело к гибели половины участников, в числе которых был и Чиракин. Царское правительство проваливало один за другим проекты передовых людей своего времени.

Только в наши героические годы советские люди, под руководством партии и правительства, по личной инициативе гениального вождя народов товарища Сталина, провели ряд крупнейших мероприятий по овладению Северным морским путем, имеющим мировое значение: сквозные рейсы „Сибирякова" (1932 г.) и других судов, особенно ледокола „Сталин" (1938 г.), полеты полярных летчиков, поход челюскинцев, наблюдения вблизи Северного полюса, произведенные героической четверкой Папанина, ряд успешных рейсов транспортных судов на восток. В связи с этим нашим Правительством не только разрешена проблема Северного морского пути, но и поставлена реальная задача: „превратить к концу третьей пятилетки Северный морской путь в нормально-действующую водную магистраль, обеспечивающую планомерную связь с Дальним Востоком".[1]

Это значит, творческий гений Ломоносова перекликается с нашим временем необыкновенных великих подвигов. Только в героические годы социалистического строительства, когда Партией и Правительством поставлены были проблемы всемирноисторического значения, осуществились и развились блестящие научные предположения и проекты ученого помора Ломоносова в вопросах освоения Арктики.

Обозревая всю совокупность работ Ломоносова в области естественно-научных дисциплин, нужно поражаться широкому диапазону его научных изысканий. Ломоносов занимался химией, физикой, геологией, метеорологией, кристаллографией, географией и другиим близкими к ним науками и везде оставлял замечательный след своими теоретическими работами. Он также, будучи блестящим экспериментатором, аналитиком, исключительным наблюдателем природных явлений, объединял в подавляющем большинстве случаев теорию с экспериментом. Он „являлся продолжателем классической традиции, утвержденной до него в окончательном виде в трудах Гюйгенса и Ньютона", и в своих работах дал блестящие образцы такой научной методологии, где теория самым тесным образом связана с индуктивно-экспериментальными данными. Таковы его работы „Об элементах математической химии", „Курс физической химии", „Слово о явлениях воздушных", „Теория электричества" и др. Мало того, Ломоносов пытался „оживить, обновить и реорганизовать" механический метод в физике и химии путем синтетического охвата и обработки всех накопленных до того времени фактических материалов в этой области. Он думал повернуть естествознание на новый путь накоплением экспериментального материала. В этом его заслуги выходят за пределы России и за пределы XVIII века.[2]

[1] „XVIII съезд ВКП(б)", стенографический отчет, 1939, стр. 658.

[2] См. статью Райнова в указанном выше сборнике статей „Ломоносов", изд. Ак. Наук, 1940, стр. 369 и сл.

Ломоносов как разносторонний исследователь, овладевший многими науками, прекрасно знакомый с самыми разнообразными отраслями производства и передовой тогдашней техникой, сам выступил в качестве изобретателя, конструктора и техника-новатора, пытавшегося проложить новые пути в области техники.

Он изобрел множество приборов, машин и разного рода приспособлений в строительной технике, металлургии, производстве цветного стекла, фарфора, бисера, стекляруса, в мореходстве, гидросиловых установках, изготовлении часов, приборов для научных исследований и в других областях техники. Из этих изобретений отметим:

1. Применение коленчатого приводного вала при устройстве фонтанов на реке Неве.

2. Усовершенствование стальной папиновой машины: это была машина массивной конструкции для получения сравнительно высокого давления. Она по проекту Ломоносова была изготовлена в 1753 г. на Сестрорецком заводе.

3. Работал он над усовершенствованием часов, намечал оригинальную конструкцию „морских часов“ и вводил в нее новые материалы для уменьшения трения.[1] Изучение часов, как первого автомата и механизма для производства равномерных движений, важно было для дальнейших изобретений.

4. Много занимался водяной мельницей (водяным двигателем), которая, по словам Маркса, была важна как подготовительная работа для создания машинной индустрии.[2]

5. В рудном деле Ломоносов весьма обстоятельно описал подъемник для руды, отливные машины, насосы, водяное колесо.

На основе такого изучения он занялся строительством гидросиловой установки для Усть-Рудицкой мозаичной фабрики, в которой проявил свое изобретательство. Были поставлены водяные двигатели, которые разом и в отдельности приводили в движение несколько сооружений: лесопильную мельницу, мукомольную и транслабораторию для размола материалов и шлифовки стекол. Здесь он производил даже опыты над движением воды и силой напора.

6. Интересен проект „аэродромной машины“, изобретенной Ломоносовым в 1754 г. для подъема в верхние слои атмосферы, для производства наблюдений при помощи метеорологических приборов, термометров и „электрических стрел“; машина быстро поднималась вверх путем завода часовой пружины.

В этой машине, в сущности, намечено два крупных изобретения: 1) геликоптер, который еще составляет предмет исканий даже в настоящее время, 2) прибор, который получил практическое применение только в наше время, но в другой форме (шары-зонды, воздушные змеи).

7. Ряд приборов был изобретен или усовершенствован Ломоносовым, когда он приступил к чтению лекций по химии и к производству

---

[1] М. В. Ломоносов, Сочинения, изд. Ак. Наук, т. VII, стр. 419, 441.
[2] Маркс — Энгельс, Сочинения, т. XXIII, стр. 131—132.

опытов. В 1752 г. он просил у Конференции Академии Наук разрешения изготовить восемь приборов по его чертежам и указаниям. Это были: 1) деревянные весы для взвешивания твердых тел в воздухе и в воде; 2) инструмент для раздавливания и сжимания тел; 3) круглый точильный камень для испытания твердости материалов; 4) инструмент для получения одинаковых капель и их сосчитывания; 5) более прочную „папинову машину“ (см. выше); 6) растирающую машину с четырьмя ступками, сделанными из меди, из железа, из свинца, из олова; 7) пирометр; 8) десять ртутных термометров, маленьких и простых.

Приборы брались не только по готовым усовершенствованным образцам, но и создавались самим Ломоносовым. Таковы оригинальные изобретения его: 1) прибор для определения вязкости жидкостей (1752 г.); 2) прибор для фильтрования под давлением.

Из других изобретений следует назвать машину для рефлекций (для отражений), особый квадрант, „ночезрительную трубу“, усовершенствованные микроскопы, воздушные насосы, „горизонтоскоп“ (современный перископ) и многие другие.

Творческая энергия Ломоносова была неиссякаема, но она встречала противодействие в косности тогдашней академической среды. 15 августа 1751 г. Ломоносов с досадой писал Шувалову: „Хотя голова моя и много зачинает, да руки одни, и хотя во многих случаях можно бы употребить чужие, да применять не имею власти“, „за безделицею принужден я в канцелярию бегать и подьячим кланяться“.

Ломоносов во всяком техническом деле, с которым он соприкасался по своим работам, чувствовал себя уверенно, вносил новое. Он строил особые станки токарные, шлифовальные, приспособленные для выделки бисера, стекляруса и пр.

Он составил первое на русском языке техническое руководство по горнозаводскому делу и разработал практически, с применением рисунков и иллюстраций, теорию, необходимую для расчета вентиляции в рудниках и в самодувной печи.[1]

Изучение трудов последующих техников показывает, что изобретения Ломоносова в подавляющем числе случаев остались не использованными, но в некоторых областях можно установить прямое влияние Ломоносова на последующую технику. Наиболее яркий пример такого воздействия установлен проф. Данилевским в отношении известного техника XVIII века И. И. Ползунова, первого в мире изобретателя паровой машины. В проекте машины, поданном в 1763 г. начальнику Алтайских заводов, Ползунов использовал теоретические и практические указания Ломоносова из его работ по физике.[2]

Из беглого и неполного обзора научного наследия Ломоносова видно, что он охватил почти все стороны науки своего времени, был не только на уровне западноевропейской науки, но и во многих вопросах далеко опередил тогдашних ученых Запада. Ломоносов был выдающимся теоретиком-мыслителем и прекрасным экспериментатором.

---

[1] См. статью В. В. Данилевского в сборнике „Ломоносов“, 1940, стр. 240—242.

[2] В. В. Данилевский, И. И. Ползунов, Труды и жизнь первого русского теплотехника, М.—Л., изд. Ак. Наук СССР, стр. 446.

Наука для него была непосредственно связана с практикой, с промышленной разработкой природных богатств, подъемом производительных сил страны (в частности Севера), с развитием ее культуры. Когда его спрашивали с недоумением: „Для чего нужны (России) ученые люди?“, Ломоносов отвечал: „Для (заселения и развития богатств) Сибири, горных дел, фабрик, сохранения народа, архитектуры, предсказания погоды, земледелия, купечества (то есть торговли), военного дела, хода Севера и сообщения с Ориентом (востоком)“.

В этих немногих словах заключена колоссальная программа освоения природных богатств и культурного строительства, не утратившая своего значения даже в наше время. Это прекрасно подмечено С. М. Кировым. В речи 23 января 1932 г., призывая советских ученых изучать природные богатства Севера, товарищ Киров говорил: „Еще Ломоносов в свое время звал на Север посмотреть, что там делается. Этот проницательный человек, который жил двести лет тому назад, сказал: „По многим доказательствам заключаю, что в северных земных недрах пространно и богато царствует натура, и искать оных сокровищ некому“. „А металлы и минералы,— добавлял Ломоносов,—сами на двор не придут. Они требуют глаз и рук в своих поисках“.

„Я думаю, — говорил тов. Киров, — что все наши просвещенные организации, начиная с Академии Наук, и все практические работники должны последовать примеру Ломоносова и действительно глазами и руками пощупать все, что имеется в этом богатом и обширном крае“.[1]

Практическое направление в работах Ломоносова отразилось в проекте „стеклянной фабрики“ (завода), устроенной в Петербурге в 1753 г. Здесь впервые в России развернуто было производство мозаики. Из работ этого завода наиболее известны „Полтавская баталия“, портреты. Эти работы настолько ценились современниками, что Болонская академия наук избрала Ломоносова своим членом за успехи в мозаике.

Фабрика, построенная Ломоносовым, находилась в Усть-Рудице, Копорского уезда б. С.-Петербургской губернии, к ней было приписано 9 тысяч десятин земли и 2111 душ крестьян (указ 15 марта 1753 г.). В первые годы на ней работало 14 мастеров и учеников и от 10 до 20 чернорабочих. Сам Ломоносов принимал деятельное непосредственное участие как в постройке, оборудовании фабрики, так и в дальнейшем производстве. Дело для России было новое и требовало неустанных забот и материальных затрат.

На фабрике изготовлялись мозаичные картины, разноцветные стекла, бисер, стеклярус, пронизки, мозаические составы, кружки, блюдечки, цветные чашки, чарки, табакерки, пуговицы, чернильницы, литые столы, дутые фигурки и прочие стеклянные и фарфоровые изделия. Часть продукции направлялась не только внутрь России, но и за границу, особенно в Персию. Из наиболее известных картин, вышедших с ломоносовской фабрики, важны, кроме „Полтавской баталии“, „Взятие Азова“, портрет Петра I, Елизаветы Петровны и др. Усть-Рудицкая фабрика после смерти Ломоносова была закрыта указом сената 9 декабря 1768 г. Изготовление художественных изделий,

[1] С. М. Киров, Избранные статьи и речи, 1939, стр. 476.

начатое им, было продолжено государственным стекольным заводом в Петербурге, а рецепты изобретенной им же „фарфоровой массы“ стали применяться на Петербургском фарфоровом заводе, известном своей высококачественной продукцией.

РАБОТЫ ЛОМОНОСОВА В ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛОМОНОСОВА

Исследовательская и научно-техническая работа Ломоносова составляла только часть его гигантской по объему, разносторонней по содержанию и колоссальной по значимости деятельности. Ломоносов для своего времени был выдающимся поэтом и писателем, основоположником русского литературного языка и силлабо-тонического стихосложения. Он составил первую „Российскую грамматику“ (1755 г.), выдвинул вопросы диалектологии, изучения русского народного языка, стилей и тем положил начало научному языкознанию в России.

В свое время при жизни Ломоносова и долгие годы при старом режиме его ценили более всего как поэта, сочинителя торжественных од и хвалебных стихотворений. В настоящее время мы ценим в Ломоносове прежде всего великого ученого, горячего патриота, борца за русскую науку, культуру и просвещение народных масс. Однако и его поэтическое творчество занимает почетное место среди многочисленных и разнообразных сочинений Ломоносова. Его перу принадлежит одна героическая поэма, две трагедии, тридцать шесть од и более ста стихотворений. В академическом издании „Полного собрания сочинений Ломоносова“, под редакцией академика Сухомлинова (1891—1902 гг.), труды Ломоносова составили пять больших томов.[1]

Разбор тематики его литературных произведений показывает, что первоначально в поэзии Ломоносова преобладала личная, то счастливая, то печальная лирика, которая находилась под влиянием немецкой поэзии; позднее, по возвращении в Россию, поэзия стала частью его научно-просветительной общественной деятельности, первое место заняли темы государственного и культурного строительства, борьба за русскую науку и русское национальное просвещение.

Эпическая поэма „Петр Великий“ посвящена любимому герою Ломоносова — Петру I, которого он воспевал много раз, видя в нем величественный образ царя-труженика, реформатора, просветителя,

[1] М. В. Ломоносов, Сочинения, изд. Ак. Наук, под ред. Сухомлинова, тт. I—V; Собр., 1891—1902; Однотомник „Ломоносов М. В.“; Стихотворения, под ред. акад. Орлова, „Совет. писатель“, 1935, стр. 336. „О литературной деятельности М. В. Ломоносова“; проф. Г. А. Гуковский, Русская литература XVIII в., отд. III, 1939, стр. 82—120 (с приложением списка основной литературы); П. Н. Берков, Ломоносов и литературная полемика его времени, изд. Ак. Наук, М.—Л., 1936, 224 стр.; Л. В. Пумпянский, Очерки по литературе первой половины XVIII в.; Сборник „XVIII век“, изд. Ак. Наук, т. I, 1935, И. Замотин, Ломоносов как писатель, журн. „Под знам. марксизма“, 1931, № 1. В. Кирпотин, Русская культура, журн. „Большевик“, 1938, № 12, стр. 48—49.

стремящегося к благу родной страны, к насаждению наук и культуры. Поэма осталась незаконченной.

В написанных двух песнях говорилось о походе 1702 г. Петра I. Этот поход Петра с четырьмя тысячами преображенцев в Архангельск и Соловки, от Белого моря волоком, Онежским озером и реками до шведской крепости Нотебурга (Шлиссельбурга) являлся важным обходным движением против шведов. Крепость была взята, и тем обеспечено было основание Петровской столицы. Достойно внимания, что Петр во время похода, по словам Ломоносова, „осматривал горы и, приметив признаки руд и целительных вод, намеревался основать заводы, чтобы вблизости производить металлы для новых войск и для флота“, у него возникла „мысль соединить Волхов с Невою великим каналом“. Поэтическое значение поэмы невелико, но она замечательна по изображению севера — родины Ломоносова, по указаниям на обследование природных богатств и проектам создания крупнейших сооружений — заводов и канала.

Трагедии написаны были по заказу двора, переданному через И. И. Шувалова, на восточные и классические темы: „Тамира и Селим“ (1750 г.) и „Демофонт“ (1752 г.).

Первый сюжет был взят из событий, связанных с Куликовской битвой и гибелью хана Мамая в Крыму. Второй — из греко-фракийских событий, вскоре следовавших за разрушением Трои. Пьесы написаны по правилам тогдашнего трагедийного искусства. Одна из них („Тамира и Селим“) в ноябре 1750 г. была представлена на придворном театре и имела успех. Обе были напечатаны на роскошной бумаге для знатных персон, быстро разошлись.

Этот род литературы Ломоносов не продолжал. В последующем его затмил Сумароков и другие. Тем не менее находились поклонники Ломоносова. Из критиков XIX в. К. С. Аксаков высоко расценивал трагедии Ломоносова.[1]

Основным видом поэтического творчества Ломоносова была „торжественная“ или „похвальная“ ода. Эта форма была известна и разработана в произведениях западных французских и немецких поэтов (Буало, Жан-Батист Руссо, Гюнтер и др.). Но Ломоносов, примыкая к западноевропейскому одописанию, тем не менее выработал свою собственную систему, свое содержание и свой особый жанр оды.

В устах Ломоносова ода „всегда была большой декларацией, идейно насыщенной и политически направленной“.[2] Его оды были своего рода манифестами той просвещенной власти, о которой он мечтал, обманчиво надеясь найти в ней опору для распространения науки и просвещения среди народа. По своей мысли он прославлял не конкретных лиц: Елизавету, Анну, Екатерину и прочих царей, но того идеального „просвещенного“ монарха, от которого ожидал и требовал решительных мероприятий к полному преобразованию страны, к утверждению науки, к подъему просвещения и культуры.

---

[1] О трагедиях Ломоносова см. работа Резанова и Г. А. Гуковского, а также сочинения М. В. Ломоносова, т. I, стр. 221—291 и примеч., стр. 420—426 (о трагедии „Тамира и Селим“), т. II, стр. 3—77 и примеч., стр. 9—16 („Демофонт“).

[2] Г. А. Гуковский, Русская литература XVIII в., стр. 97.

Однако всякий раз его надежды на самодержавную власть разбивались, и он в своей просветительной деятельности встречал почти непреодолимые препятствия. Можно было удивляться его исключительной энергии, когда он, видя со стороны царей невнимание и черствость к его программным требованиям, убеждаясь в органической связи монархии с дворянским классом, обращался снова и снова к самодержцам, призывая их к просвещению народа. Это было трагедией просветителей XVIII века, к призывам которых были глухи правители.

Отбросив внешнюю „похвальную" форму од, официально выраженные в них „верноподданнические" чувства и вскрывши внутреннюю сущность одописаний М. В. Ломоносова, можно сказать словами профессора Гуковского: „Слишком мало было высокого вокруг него, зато как много было прекрасного и великого в нем самом, в ломоносовских чаяниях, в прозреваемой им будущей судьбе могучего государства".[1]

За фигурами меняющихся правителей вырисовывается другой грандиозный образ — Родины, могучей России. В оде 1748 г. он ее изображает в виде исполинской полулежащей фигуры, голова которой доходит до облаков, локоть оперся о Кавказские горы, а ноги протянулись до Китая. Видимо, этот образ вдохновил Пушкина: „От Кремля до стен недвижного Китая".

В одах Ломоносов рисовал прекрасные картины природы, в частности родного ему севера, прославлял огромные богатства России, „поля широки", „горы превысоки", „леса глубоки", реки могучие, моря беспредельные. Он призывал не только любоваться этой природой, но изучать ее, использовать в интересах народа; приложить к ней творческий труд и поставить природу на службу человеку.

Ломоносов в одах и стихотворениях набрасывал широкую картину использования природных богатств на основе науки: так, метеорология и география должны указать верные признаки, „чтоб земледелец выбрал время, когда земле поверить семя и дать когда покой браздам". Он призывает к осушению болот, чтобы отвоевать новые пространства земли для сельского хозяйства. Он призывает „спуститься в земное недро", открыть новые сокровища, развивать металлургическую промышленность, стекольную и прочее: строить города, заводить ремесла, фабрики в них, развивать торговлю, ради чего строить корабли, проводить каналы; мечтает о северном морском пути на Восток. В одах Ломоносов поет восторженный гимн науке, равного которому нет в русской поэзии.

Он высказывал горячее убеждение и веру в природные дарования русского народа, который способен к науке и может рождать и воспитывать своих собственных ученых. Ломоносов прозревал будущее и не ошибался.

Одну сторону народных требований он ярко подчеркнул. Народу необходима была мирная жизнь, мирный труд, тогда как в XVIII веке одна война следовала за другой.

---

[1] Проф. Г. А. Гуковский, Русская литература XVIII в., М., 1939, стр. 101 и др.

В оде на день вступления Елизаветы на престол он восторженно писал:

> Царей и царств земных отрада,
> Возлюбленная тишина,
> Блаженство сел, градов ограда,
> Коль ты полезна и красна!

Иначе говоря, мир, тишина, полезный труд и мирное строительство — вот что необходимо для народных масс, истощенных беспрерывными войнами.

Кроме „похвальных“ од Ломоносов написал несколько од на духовные темы, где он наряду с переложением псалмов прославлял природу, ее чудесные творения. В этих произведениях он выступал как ученый естествоиспытатель, глубоко чувствующий действие мировых космических сил.

Особенно великолепно его описание солнца — этого „горящего вечно океана“ или величественного звездного неба. „Ода, выбранная из Иова“ представляет собой также восторженный гимн природе.

Пушкин высоко ценил духовные оды Ломоносова, говоря: „они останутся вечными памятниками русской словесности“. Остальные поэтические произведения Ломоносова менее значительны. Таковы „похвальные надписи“, стихи на скульптурных изображениях, объяснения аллегорических световых картин, иллюминаций и пр.

Ломоносову принадлежат переводы из Анакреона (греческого писателя), перевод „Памятника“ Горация, позднее прославленного переводом Пушкина — „Я памятник себе воздвиг нерукотворный“; после такого шедевра ломоносовский перевод (без рифм) забылся. Ломоносов в памяти оставался величавым, пышным, восторженно-бурным поэтом-одописцем. Старикам XVIII века типа А. В. Суворова героические, возвышенно-настроенные оды Ломоносова чрезвычайно нравились.

РАБОТЫ ЛОМОНОСОВА В ОБЛАСТИ ЯЗЫКА И СТИХОСЛОЖЕНИЯ

Ломоносов по справедливости считается родоначальником русского литературного языка и силлабо-тонического стихосложения, положившим глубокую основу научного языкознания.

Главнейшими работами его в этой области были:

1. Письмо о правилах российского стихотворства (1739 г.).
2. Риторика (1748 г.).
3. Российская грамматика (окончена в 1755 г.).
4. Предисловие „О пользе книг церковных в российском языке“ (1757 г.) и др.[1]

Во всех этих работах Ломоносов показал себя прекрасным знатоком лингвистических наук.[2] С полным основанием он писал, что

---

[1] М. В. Ломоносов, Сочинения, т. IV, изд. Ак. Наук, стр. 224 и сл.

[2] О значении Ломоносова в области создания и изучения русского литературного языка следующая литература: В. К. Виноградова, Очерки по истории русского литературного языка, 2-е изд., М., 1938; П. Н. Берков, Ломоносов и проблема русского литературного языка в 1740 г., „Изв. Ак. Наук, Отд. общ., наук“, 1937, № 1, стр. 201—234; Е. В. Матвеева, Русская грамматика Ломоносова, Труды Горьковского гос. пед. ин-та, т. II, 1939, стр. 45—59;

„с малолетства познал общий российский и славянский язык, а достигши совершенного возраста, с прилежанием прочел почти все древне славяно-моравским языком сочиненные“ церковные книги; хорошо знал „провинциальные диалекты“, язык народный, речь духовенства и людей придворных; следовательно, в совершенстве владел русским языком во всем его богатстве и разнообразии.

Сравнивая русский язык с иностранными языками того времени, Ломоносов писал: Карл V, император германский, „говаривал, что испанским языком с богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятелями, итальянским — с женским полом говорить прилично“. Но если бы он, Карл, добавлял Ломоносов, „в российском языке был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно“.

С своей стороны, наш великий ученый и писатель поместил восторженную похвалу российскому языку. В нем он находил великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого и нежность итальянского, сверх того богатство и краткость греческого и латинского языков. Сравнивая русский язык с латинским в период его наиболее блестящего развития — в век Августа,— Ломоносов находил, что „сильное красноречие Цицероново, великолепная Вергилиева важность, Овидиево приятное витийство не теряют своего достоинства на российском языке“.

На нем можно выразить „тончайшие философские рассуждения“, „многоразличные естественные свойства и перемены, бывающие в строении мира и в человеческом обществе“. И если бы кто-либо не сумел этого выразить в языке, то это должно приписать не языку, а собственному неуменью, „недовольному своему в нем искусству“. Всякий, кто час от часу будет углубляться в изучение языка, в его философское понимание, тот увидит в нем „возможно широкое поле“, или лучше сказать „море, едва пределы имеющее“.[1]

Исторической основой русского языка Ломоносов считал древний церковно-славянский язык, объединивший первоначальное разнообразие диалектов, племенных и местных особенностей народного языка.

Не менее важной стороной церковно-славянского языка Ломоносов считал то, что язык церковных книг слагался под воздействием богатейшей античной и греко-византийской культуры. „В древние времена,— читаем у него, — когда словенский народ не знал употребления письменно изображать свои мысли, для неведения многих вещей и действий, ученым народам известных; тогда и язык его не мог изобиловать таким множеством речений и выражений“ разума, как ныне читаем.[2] Значит, Ломоносов придавал огромное просветительное значение принятию славянами христианства, появлению письменности среди них и греческих переводов религиозно-церковных и прочих книг.

А. Н. Соболевский, Ломоносов в истории русского языка, Спб., 1911; А. П. Кадлубовский, Об источниках ломоносовского учения о трех стилях, см. „Сборник статей в честь М. С. Дринова, Харьков, 1908; А. С. Будилович, проф., Ломоносов как писатель, СПб., 1871, Его же, Ломоносов как натуралист и филолог, П., 1886 г.

[1] М. В. Ломоносов, Сочинения, т. IV, стр. 9—11.

[2] Там же, т. III, стр. 219—220; т. IV, стр. 225—226.

В этих переводах он подчеркивал „отменную красоту, изобилие, важность и силу эллинского слова“, „древнее красноречие“, богатство мысли, разнообразие и красоту выражений, заимствованных от „древних Гомеров, Пиндаров, Демосфенов“ и прочих героев, — учителей и творцов.

Ломоносов рекомендовал читать церковные книги, переводы с греческого языка. „Советую, — писал он, — держаться книг церковных, от которых чувствую себе немалую пользу“. Эту пользу он видел в знакомстве с высокой греко-византийской культурой, в значительном расширении словарного материала, в обращении с более чистым источником языка, чем последующие „худые примеры“ и наслоения, появившиеся в памятниках XVI—XVIII веков в виде заимствований из польского, французского и других языков, несвойственных духу и формам русского языка.

Однако, рекомендуя чтение церковных книг в целях обогащения словарными формами и идейным содержанием, Ломоносов подчеркивал, что в этих книгах встречаются некоторые „странности“, несвойственные русскому языку, механически заимствованные слова и изречения, потерявшие свой прежний смысл, устарелые. К таким словам и выражениям нужно отнестись критически и проверить практикой: все, что стало понятно, приятно и полезно, то оставить в действии, в литературном употреблении, что потеряло смысл или искажено, следует исправить.

Указав на важность чтения книг (в то время церковных) и широкого знакомства с народным языком, Ломоносов считал, что для основательного овладения русским литературным языком необходимо также тщательное изучение грамматики. „Для избежания погрешности, — читаем у него,[1] — неможно предписать других правил, кроме прилежного учения российской грамматики и чтения книг церковных, без чего во всем российском слове никто тверд и силен быть не может“. Это требование о необходимости основательного изучения грамматики для всякого образованного человека остается в силе и для нашего времени.

На этой исторической основе Ломоносов построил свою известную теорию о трех стилях: высоком, среднем и низком, и указал, в каких родах (жанрах) литературных произведений должен быть использован тот, другой или третий стиль.

Смысл его системы или теории стилей такой. Ломоносов разделил все слова русского языка на три группы:

1) на слова, общие церковно-славянскому и русскому языку, например: слава, рука, ныне;

2) слова церковные, мало употребительные, но всем понятные; например: насажденный, отверзаю; из слов подобного рода исключаются „неупотребительные“, „весьма обветшалые“, смысл которых уже утерян, например: рясны (ожерелье), обоваю (очаровываю) и пр.;

3) к словам третьего рода относятся чисто русские слова, именно те, которых в церковных книгах нет; например: говорю, ручей, который.

---

[1] М. В. Ломоносов, Сочинения, т. IV, стр. 53.

От такого подразделения слов Ломоносов и выводит три разных стиля: высокий, посредственный, или средний, и низкий.

Первый — высокий стиль, им должны писаться героические поэмы, оды, прозаические речи о важных вопросах. Этот возвышенный, великолепный стиль дает преимущество российскому языку перед многими европейскими.

Средний составляется из слов наиболее употребляемых в русском языке, но с осторожной примесью речений и слов высоких славянских и более низких народных. Этим стилем нужно писать театральные пьесы, стихотворения, дружеские письма, сатирические произведения, описательные, прозаические.

Низкий стиль составляется из чисто русских слов, в том числе и простонародных. Этим стилем писать комедии, эпиграммы, песни, прозаические описания обыкновенных дел.

Из этих указаний Ломоносова видно, что он чрезвычайно умело пользуется различными лингвистическими пластами языка, включает в словарный состав и славянские слова, уже прочно вошедшие в литературный и разговорный обиход.

Однако славянизмам Ломоносов поставил определенные границы, главный упор он делает на русский, живой, народный язык, формами которого он воспользовался, введя их в качестве существенной составной органической части литературного языка. По словам профессора Виноградова, реформа Ломоносова в области языка „имела своей задачею концентрацию живых национальных сил русского литературного языка“.[1]

Но подчеркивая национальную основу языка, его „природное свойство“, „собственное“, Ломоносов требовал, чтобы в дальнейшем русский язык развивался на основе как национальной, так и общечеловеческой культуры; „из других языков ничего неугодного не ввести, а хорошего не оставить“, но использовать. Он боролся с механическим заимствованием иностранных слов, с засорением русской речи, в особенности когда имелись однозначащие русские слова. Так он заменил латинские слова аддицио, радикс русскими: сложение, корень и др. Но когда на русском языке не было соответствующего слова, Ломоносов смело вводил новые научные термины и названия, которые сохранились в русской научной терминологии до настоящего времени. Слова: воздушный насос, законы движения, земная ось, кислота, квасцы, квадрат, атмосфера, микроскоп, периферия и множество других слов и выражений впервые пущены в оборот Ломоносовым. Его по справедливости нужно считать создателем русской научно-технической терминологии.[2]

Изданием „Российской грамматики“ Ломоносов положил начало научному изучению русского языка.[3]

---

[1] В. Виноградов, Очерки по истории русского литературного языка, стр. 92—97.

[2] См.: Б. Меншуткин, Жизнеописание, изд. Ак. Наук, 1937, № 1, стр. 132 -149; В. В. Данилевский, Ломоносов как техник, Сб. статей и материалов изд. Ак. Н. „Ломоносов“, 1940, стр. 223.

[3] Составлена в 1755 г., выпущена в свет в 1757 г. В сочинениях Ломоносова напечатана в т. IV.

В первом „наставлении“ составитель отмечал исключительную важность слова в жизни человеческого общества. Он указывал на возможность объяснений „через разные движения очей, лица, рук и прочих частей тела, как то пантомимы на театрах представляют“.

Грамматику Ломоносов понимал не формально, а по существу. „Общая грамматика, — писал он, — есть философское понятие всего человеческого слова, а особливая, какова российская грамматика, есть знание, как говорить и писать чисто российским языком по лучшему, рассудительному ею употреблению“.[1]

В ней он давал наставления, как правильно не только писать, но и „говорить“, имея в виду голос, произношение, выговор. „Иной голос, — писал Ломоносов, — подобен колокольному звону, иной тележному скрипу, иной скотскому реву, иной соловьиному свисту, иной подходит к какому-нибудь музыкальному инструменту“ (§ 10 Грамматики). Он устанавливал связь звуков с явлениями природы (§ 11).

Азбука составлена из тридцати букв, выбрасываются сложные, заимствованные с греческого кс, пс, от, i (десятиричное), йотированные и др. Систематизированы грамматические правила. Грамматика Ломоносова много раз переиздавалась в XVIII и в начале XIX в. и сыграла огромную роль в изучении русского языка.

По вопросу о характере грамматических „наставлений“ Ломоносова в научной и педагогической литературе довольно широко распространено мнение о „нормативности“ его грамматики, то есть общеобязательности правил, предписанных Ломоносовым на основе его теоретических соображений. Однако, новейший исследователь этого вопроса — П. Н. Берков оспаривает такой тезис, ссылаясь на принципиальное указание самого Ломоносова, который писал: „Поставлению окончаний прилагательных множественных имен никакие теоретические доводы не довольны; но как во всей грамматике, так и в сем случае одному употреблению повиноваться должно“.[2] Следовательно, „употребление“, „обычай“, практику Ломоносов выдвигал в качестве критерия правильности или неправильности, приемлемости или неприемлемости того или иного речевого явления. Но и языковая практика проверялась им на основе „рассуждения“ о свойствах языка и приятности или неприятности для „слуха российского“.

При более тщательном изучении указанного вопроса Берков приходит к выводу, что Ломоносов как грамматик был не нормативистом, а тем же рационализирующим эмпириком, каким он показал себя в области физики, химии и других естественных наук. Эта позиция его вытекала из его просветительства, из его глубокого патриотизма, из стремления быть полезным своему родному народу.[3]

В стихосложении Ломоносов ввел преобразованный им силлабо-тонический способ стиха, основанный на ударениях, вместо силлабического метода, заимствованного русскими стихотворцами начала XVIII века у Польши, и дал прекрасные образцы своей системы (борьба с неуклюжим „пиитом“ Тредьяковским).

---

[1] См. § 86 — Сочинения, IV, стр. 41.

[2] М. В. Ломоносов, Сочинения, т. IV, стр. 2.

[3] П. Н. Берков, Ломоносов и проблема русского литературного языка, „Известия Ак. Наук, Отд. общ. наук“, 1937, № 1, стр. 201—234.

Любовь к народному языку, как самому ценному продукту культурного народного творчества, сделала Ломоносова первым поэтом-писателем, выдвинувшим национальную идею, создавшим пафос новой глубоко-народной культуры.

В своих литературных произведениях Ломоносов продемонстрировал прекрасные образцы в подкрепление теоретических изысканий в области языка и стихосложения. Поэтому с полным правом мы должны признать в нем создателя русского литературного языка, первого поэта-писателя и ученого лингвиста, выдвинувшего идею изучения русского языка, как наиболее ценного продукта культурного творчества народных масс.

ЛОМОНОСОВ КАК ИСТОРИК[1]

Об исторических работах Ломоносова современные ему специалисты (Миллер, Шлецер), а за ними и другие ученые часто говорили снисходительно, подчеркивая, что Ломоносов был химиком, физиком, поэтом-писателем, но не историком по специальности (Шлецер), „исторические занятия для него были чужды вообще, а уж тем более занятия русской историей“ (Соловьев).

Такая точка зрения неправильна. Ломоносов принадлежал к числу универсальных гениев, которые во всякую область знания, входившую в орбиту их внимания, вносили что-либо существенное, оставляя заметный след в науке. Так это было и с занятиями Ломоносова по истории, которые к тому же тесно были связаны с его поэтической деятельностью, трудами по языкознанию и литературе и общей научно-просветительной работой.

Историей Ломоносов интересовался еще в бытность за границей. В апреле 1741 г. из Марбурга он просил своего товарища Виноградова прислать книгу Петрея о России XVII в.[2] В 40-х годах XVIII в. Ломоносов, надо полагать, ознакомился с более широким кругом исторических материалов и работ, что им и было показано в те же годы. Так в 1747 г. Ломоносов составил отзыв по поводу пререканий комиссара П. Крекшина с историком Миллером о родословии великих князей, царей и императоров всероссийских“.[3] В следующем (1748) году, когда академик Миллер в своей работе упомянул, что „Ермак грабежу и разбою, чинимого от людей своих в Сибири (в 1581—1583 гг.), не почитал за прегрешение“, Ломоносов совместно с другими выступал против этого и заявил, что о Ермаке, который служил интересам России, нужно говорить осторожнее, и фразы, написанные с „похулением“, лучше вычеркнуть. В этом выступлении сказалось не только знание, но и более правильное понимание Ломоносовым исторических фактов XVI века, чем взгляд специалиста-историка Миллера. В 1749 г. он познакомился в рукописи с первым томом

[1] Последняя работа на эту тему Б. Д. Грекова напечатана в журн. „Историк-марксист“, 1940, № 11, стр. 18—34.

[2] М. В. Ломоносов, Сочинения, т. V, стр. 171.

[3] Указано в статье Андреева, напечатанной в сборнике „Ломоносов“, 1940, стр. 290.

„Истории Российской“ А. Н. Татищева, которым позднее широко пользовался до выхода в свет (напечатана была только в 1768 г.).

Еще более существенными были его выступления в 1749 г. по поводу злополучной диссертации Миллера „Происхождение народа и имени русского“, которая предполагалась в качестве речи на заседании Академии Наук и была уже предварительно напечатана. По инициативе Шумахера, она была подвергнута критическому разбору и обсуждению Академии, в чем принял самое живое участие Ломоносов. Он написал краткий разбор речи Миллера 16 сентября 1749 г.[1] В нем Ломоносов показал не только знание русских летописей, но также сочинений иностранных авторов. В последующем же отзыве (21 июня 1750 г.) Ломоносов дал развернутую критику гипотез Миллера и противопоставил им свое мнение о древности русского народа, о славянском происхождении князей, подкрепляя критику и свои теории ссылками на древних писателей: Плиния Старшего, Страбона, Целлария, Константина Порфирогенета, Прокопия Кесарийского, Иордана (Иорнанда — у Ломоносова), Григория Великого и других, обнаруживая тем большую начитанность в исторических материалах.

Речь Миллера вызвала целую бурю в академических кругах и среди тогдашнего русского общества. По внешности она была написана с знанием дела и как будто основательно, но при внимательном изучении многие положения оказывались теоретически спорными, а самое главное — в ней, по словам академика Пекарского, можно было усмотреть „затаенное чувство против России и русских“, „особенное довольство, с которым Миллер указывал все неудачи и неуспехи славян“.[2]

Вот эта сторона предполагаемого выступления Миллера и его единомышленников, после недавнего господства немцев при Анне Ивановне и Бироне, задевала патриотическое чувство русских людей, в том числе и Ломоносова. Не он был инициатором борьбы с Миллером и запрещения его речи, но он принял горячее участие в разоблачении всей подоплеки миллеровских писаний. Ломоносов указал на „крайние неудобства“ речи Миллера, „несходства“ и „непристойности“, „позорище славных и великих дел российского народа“, „бесславие“ его.[3]

В более подробном разъяснении и новых возражениях (6 марта 1750 г.) Ломоносов, ознакомившись широко с источниками и приняв горячее участие в дискуссии по поводу статьи Миллера, уже возражал не только с общественно-политической точки зрения, но и как историк. В его замечаниях важно с методологической стороны указание на необходимость критики источников, выделения „правды“ от „вымыслов“, из летописей, по его словам, „правды с баснями выбрасывать не должно“; также нельзя произвольно обращаться с некоторыми древними авторами: согласных с своим мнением принимать, а несогласных замалчивать или отметать без критики и пояснений. Так, например, Миллер пропускал Страбона, Тацита и Спартиана, тогда как должен был подвергнуть критике и опровергнуть.

---

[1] М. В. Ломоносов, Сочинения, т. V, стр. 149—154.

[2] Там же, т. V, стр. 107; (ср. „История Академии Наук“ т. II, стр. 430—431).

[3] Там же, стр. 11 (объяснит. примеч., стр. 112).

Ломоносов отмечал неправильный прием, когда Миллер механически ссылался на одно внешнее сходство имен и названий без указаний на их внутренний смысл, на семантику (по терминологии Марра). Нельзя превращать Гостомысла в Гостомила, это два разных слова по корню (мысль, мил) и по своему смыслу; русское слово „Холмогоры“ ненаучно выводить из скандинавского „Гольмгардия“. Ломоносов пояснял: „имя Холмогоры соответствует положению места, на островах около них лежат холмы, а на матерой земле горы“.[1]

Дело, однако, не в одной научной стороне, но и в общественной: для Ломоносова, как патриота, речь Миллера представлялась „весьма недостойной“, „смешной и досадительной“.[2]

В качестве такого возмутительного примера Ломоносов приводил слова Миллера о том, что „скандинавы победоносным своим оружием благополучно себе всю Россию покорили“. Почти на каждой странице у Миллера, по преувеличенному, но остроумному замечанию Ломоносова, „русских бьют, грабят благополучно, скандинавы побеждают, гунны Кия берут с собой на войну в неволю“. „Сие так чудно“, — продолжал Ломоносов, — Россия изображена „толь бедным народом, каким еще ни один и самый подлый народ ни от какого писателя не представлен“.

Мнение Ломоносова разделялось и другими академиками. Шлецер, друживший с Миллером, многие положения доклада Миллера называл „глупыми выдумками“; Тредьяковский выражался мягче: „наполнен неправильностью в разуме“. Академик Куник посчитал сочинение Миллера „препустым“. Ломоносов отнесся к сочинению Миллера со всей серьезностью и страстностью, вскрывая его не только искажения и ошибки, но и подоплеку — высокомерие иностранца, пренебрежение к русскому народу, к его великому прошлому, неуважение к начинающейся русской науке и русской общественности того времени. Благодаря этому его выступления имели общественно-политическое значение.

Речь Миллера обсуждалась на двадцати девяти заседаниях особой комиссии, образованной при Академии, больше полгода, а всего с первоначальными и заключительными заседаниями около года (с сентября 1749 до середины 1750 г.).[3] Собрания проходили чрезвычайно бурно. „Каких же не было шумов, брани и почти драк“, — писал в своей записке Ломоносов. — „Миллер заелся со всеми профессорами, многих ругал и бесчестил словесно и письменно, на иных замахивался в собрании палкою и бил ею по столу конференцскому“.[4] Не отставал в горячности и страстности при споре и сам Ломоносов, но на его стороне была правда, научная основательность и патриотизм.

Миллер проиграл: приказом президента Академии 6 октября 1750 г. он был разжалован из профессоров в адъюнкты; диссертация его „не была признана за основательную“.

Столь активное участие в обсуждении исторических вопросов того времени приковало внимание Ломоносова к историческим проблемам.

---

[1] М. В. Ломоносов, Сочинения, т. V, стр. 175.
[2] Там же, стр. 154.
[3] П. П. Пекарский, История Академии Наук, т. II, стр. 427—428. Статья А. Н. Андреева „Ломоносов и Крашенников“ в сборн. Ак. Наук „Ломоносов“, 1940, стр. 290 и сл.
[4] М. В. Ломоносов, Сочинения, т. V, стр. 142.

4*

Еще в 1747 г. он вел переписку с В. Н. Татищевым по поводу первого тома его истории. В начале 50-х годов, вслед за дискуссией, у Ломоносова возникла мысль написать историю России. В письме И. И. Шувалову от 10 сентября (21 н. ст.) 1851 г. Ломоносов писал: „Я ныне Демофонта (трагедию) докончить стараюсь и при том делаю план российской истории".[1] А к концу года его специальные занятия по истории значительно подвинулись. В отчете за 1751 г. Ломоносов писал: „Читал книги для собирания материй к сочинению Российской истории: Нестора, законы Ярославля („Русскую Правду"), большой летописец, Татищева 1-й том, иностранных авторов и другие книги, из которых сделаны выписки и примечания, числом 653, на 15 листах.[2] Надо полагать, что мысль писать историю была поддержана или даже, может быть, внушена Ломоносову Шуваловым. Работа продолжалась и в следующем году, хотя и менее интенсивно: выписок сделано 161 на 3 листах.

И. И. Шувалов в письме от 28 декабря 1752 г. запрашивал Ломоносова о ходе работы; тот отвечал (4 января 1753 г.): „Я бы от всего сердца желал иметь такие силы, чтобы оное великое дело завершить, но оно само собою такого есть свойства, что требует времени". Однако он надеялся первый том написать в том же 1753 г. (ошибся на целых пять лет: задержали другие дела). Шувалов сообщил Елизавете Петровне, и та в марте 1753 г. на придворном вечере через Шувалова передала Ломоносову пожелание „видеть Российскую историю, написанную его стилем".[3]

С этого времени занятия Ломоносова по составлению „Древней Российской истории" то шли успешно, то замедлялись; первый том — до смерти Ярослава (1054 г.) был приготовлен к печати только в 1758 г., стал набираться, но приостановлен ввиду изменения плана издания; вышел в свет только в 1766 г., на 146 страницах, посмертным изданием, неоконченным.[4] Немецкий перевод был издан в 1768 г. Продолжением этого тома были две следующие части, как сообщал Ломоносов в канцелярию Академии (от 26 февраля 1763 г.): 1) до нашествия Батыя, 2) до Ивана III.[5] Кроме того в письме к И. И. Шувалову (10 октября 1757 г.) упоминался изготовленный труд о самозванцах и стрелецких восстаниях, о царях XVII века. Работал Ломоносов и над историей Петра I, что получило отражение в поэме, посвященной Петру I, и в материалах, собранных для Вольтера, а также в критических замечаниях по поводу истории Петра, написанной Вольтером.[6]

Отсюда надо заключить, что у Ломоносова был грандиозный план: написать историю российского народа от древнейших времен до современности, то есть до XVIII века, кончая Петром Великим.

---

1 М. В. Ломоносов, Сочинения, т. II, примеч., стр. 10.

2 Там же, т. V, стр. 171.

3 Там же, стр. 172. В отношении даты поручения твердости нет: у Пекарского — 1753 г., у Грекова — первоначально та же дата („Известия Академии Наук", стр. 195), в новой статье - 1751, „Историк марксист", 1940, № 11, стр. 9.

4 М. В. Ломоносов, Сочинения, т. V, стр. 174—175.

5 Там же, стр. 174.

6 См. ниже. Кроме Пекарского, участие Ломоносова в этом деле освещено Б. Д. Грековым и А. И. Андреевым в их работах.

Указание на такой план находим в предисловии первого издания „Древней российской истории“ (изд. 1766 г.), где читаем: М. В. Ломоносов, „положив намерение сочинить пространную историю российского народа“, написал издаваемый первый том. „Сочинитель, конечно, не преминул бы оный далее продолжать, ежели бы преждевременная его смерть... доброго сего предприятия не пресекла“.[1] Это говорит о том, что Ломоносову, после неудачной попытки В. Н. Татищева напечатать свою рукопись по истории России, принадлежит план написания общего труда по истории России с древнейших времен до современности, включая время Петра I. Задача для того времени грандиозная.

Затем необходимо подчеркнуть, что Ломоносов имел целью написание истории российского народа и героических подвигов его. Но эта цель осталась только идеальной целью, так как придворная среда, господствовавшая в то время, навязывала ему и требовала написания истории правителей — князей и царей — и отображения и прославления геройских подвигов вождей, а не народа. Ломоносов такого давления придворной знати преодолеть не мог.

Видя замедленность своей работы, Ломоносов в 1760 г. составил „Краткий Российский Летописец“ с родословием, для учебных целей.[2]

В стихотворном предисловии Ломоносов указывал, что в своей книге он старался „изобразить российских предков славных геройски подвиги“ и „вкратце вид дел главных“ князей-правителей, но из них особо выдвигал Петра, прославленного не только победой над Карлом XII, но и тем, что он „нас просветить учениями стремился“. Ломоносов призывал царевича Павла, которому он посвятил книгу, „пройти науки“, „умножить хвалу“ России, „достигнуть через моря богатого Офира“, „открыть россам путь кругом земного мира“. Такая установка отвечала состоянию русской исторической науки XVIII века и отразилась в известном предисловии к первому тому „Истории государства Российского“ Карамзина. В этом предисловии, перефразированном Пушкиным, цель исторического повествования сводилась к тому: „да ведают потомки православных земли родной минувшую судьбу“ („Борис Годунов“). Но была одна сторона, которая являлась новой у Ломоносова. Он требовал просвещения наукой, открытия морских путей кругом земного шара, установления „всем странам недвижного закона“. Такими планами он заглядывал далеко вперед.

„Краткий летописец“ составлен по типу степенных книг, летописца XVII века — Синопсиса, с использованием некоторых общих трудов других историков, главным образом Татищева, первый том истории которого был известен ему в рукописи. Ломоносов вкратце повторяет в своем „Кратком летописце“ то, что он изложил подробно в другой, более ранней работе о славянах и чуди, как о древнейших обитателях восточной Европы, о появлении варягов-россов, соединившихся со славянами. Он указал на древний и сложный этногенетический процесс, в результате которого из смешения скифов, сарматов, чудских племен и варяжских образовались восточные славяне, позднее русская народность.

---

[1] М. В. Ломоносов, Сочинения, т. V, стр. 241.

[2] Там же, стр. 177—239 и отд. изд.

Книга начинается со времени Рюрика (862 г.), события излагаются по княжениям и царствам (Новгородское и Киевское, Владимирское, Московское, царство всероссийское — с Ивана IV) и доходит до Петра I, который считался 53-м правителем. Его прославлением как „неутомимого работника, отца отечества, первого императора“ кончается летописец (1—53 стр.). К этому добавлено „Родословие российских государей“ мужского и женского пола и брачные союзы с иностранными государствами (35—75 стр.), написанное, очевидно, по указаниям и плану Ломоносова библиотекарем Богдановым.

В первой части важен точный хронологический метод; о правителях показаны: год начала правления, число лет нахождения у власти, лет жизни. Как ученый физик и химик, владеющий математическим методом, он внес точное измерение времени (год, месяц, число), строгий хронологический метод и в историческую науку. Это было замечательно для того времени. Чрезвычайно показательно для событий, например, следующее: Вячеслав, сын Владимира Мономаха, сидел в Киеве в 1138 г. на великом княжении двадцать дней и выгнан племянником (стр. 9). Игорь Ольгович в 1146 г. сидел в Киеве две недели, а затем был убит киевлянами. Вот замечательная картина феодальных войн и княжеских братоубийственных усобиц. Прием Ломоносова, воспринятый частично последующими историками, не получил своего полного осуществления в дальнейшем.

В родословной Ломоносов перечисляет жен и детей князей-правителей. В общих руководствах это представляется излишним, но в справочниках чрезвычайно полезно, так как дает прекрасное разъяснение многих летописных сказаний и фактов исторического прошлого, изображенного не только в летописях, но и в былинах, исторических песнях и прочих литературных произведениях.

Ломоносов дает систематизированный материал для понимания многих коллизий и фактов зверской расправы князей между собой. Пример: всем памятно жестокое убийство Святополком своих братьев Бориса и Глеба, которым посвящены жалобные чувствительные жизнеописания с религиозным прославлением их как „мучеников“. До сих пор не только у историков современных, что совершенно понятно, но и у старых (например у Соловьева) нет точных указаний, сколько было сыновей у Владимира Святославовича, претендовавших в XI веке на власть; обычно называют шесть; у Соловьева вдруг неизвестно откуда появляется седьмой — Судислав, которого брат Ярослав запирает в тюрьму, где он и сидит около двадцати лет. В родословной дается разъяснение.[1]

Оказывается, Святополк ни по матери, ни по отцу не был родным братом остальных детей Владимира. Это обстоятельство поясняет, по-

[1] У Владимира было шесть жен и множество наложниц. От всех них Ломоносов называет выросших 12 сыновей и 3 дочерей: 1) от чешской княжны — Вышеслав; 2) от Рогнеды Полоцкой — Изяслав, Ярослав и Всеволод, позднее объединившиеся против других своих братьев по отцу; 3) от гречанки б. монахини (была за Ярополком, осталась „непраздна“) — Святополк, прозванный позднее Окаянным; 4) от другой „чехини“ — Святослав и Мстислав; 5) Борис и Глеб — от болгарыни; 6) от наложниц — Станислав, Поздвизд и Судислав („Краткий летописец“, стр 56).

чему в борьбе за власть Святополк не считал себя связанным какими-либо близкими кровными узами и с легкостью расправился со своими „братьями“, соперниками в борьбе за Киевский великокняжеский стол.

„Краткий Российский летописец“ в 1767 г. был переведен на немецкий язык Петром Штелиным; второе издание его вышло в 1771 г. В предисловии переводчик сообщил, что ему эта книжка „понравилась больше, чем все другое“, что он читал до того по истории.[1]

Книжка интересна как первый опыт учебного руководства по истории, в основу которого положен Синопсис, но проработка была самостоятельной: был написан большой труд по истории России.

В 60-х годах Ломоносов, кроме работ, связанных с общим обзором российской истории, продолжал заниматься историей Петра I. Еще в 1757 г. Елизавете Петровне пришла мысль поручить прославленному писателю Вольтеру написание истории Петра I. К собиранию материалов для Вольтера Шувалов привлек Ломоносова, который выразил согласие в своем содействии и сообщил: „У меня сколько есть записок о трудах великого нашего монарха, все для сего предприятия готовы“.[2] Выписки и извлечения, собранные Ломоносовым, были переведены на французский язык и отосланы Вольтеру. По свидетельству академика Штелина, Вольтер отнесся к поручению невнимательно, дело тянул, а затем выпустил тощую книжку, в которой более половины материалов, присланных ему, не использовал; сверх того добавил другие сведения, в которых были неверные данные или же собственные измышления автора. Русский двор был изумлен, недоволен. Ломоносов занялся критикой текста Вольтера и написал на книгу уже в 1761 г. примечания и исправления допущенных ошибок и неточностей.[3]

В настоящее время по вновь открытым проф. Андреевым рукописям можно с достоверностью установить, что Ломоносов в 1757—1758 гг. составил и отправил Вольтеру следующие рукописи, переведенные на французский язык:

1. „Сокращенное описание самозванцев и стрелецких бунтов“ (сентябрь—октябрь 1757 г.).

2. Географическое описание России, как материал для вводной главы истории царствования Петра Великого (тогда же).

3. „Экстракт“ или „мемуар“ о лопарях и самоедах, с описанием их быта, наружности, одежды и языка.

Об авторе этого сочинения в тексте рукописного французского перевода сказано: „Автор его провел несколько лет среди этих народов и потратил немало труда, чтобы изучить все, что касается их происхождения, языка и нравов“. „Экстракт“, по словам проф. Андреева, представляет блестящий этнографический очерк.

4. Экстракт из „Описания земли Камчатки“, произведенный путем выборок из труда академика С. П. Крашенинникова.

---

[1] М. В. Ломоносов, Сочинения, т. V, примеч., стр. 167.

[2] Б. Д. Греков, Статья о Ломоносове в „Известиях Академии Наук“, 1937 г., № 1, стр. 199.

[3] Б. Меншуткин, Жизнеописание... стр. 194. Материалы Ломоносова считались утерянными. Только недавно проф. А. И. Андрееву удалось среди архивных рукописных материалов найти французский перевод работ Ломоносова, посланных Вольтеру.

Русского текста этих трудов не найдено, но по анализу содержания и многим другим фактам проф. Андреев пришел к убедительному выводу, что автором их являлся Ломоносов.[1] Он не только предоставил Вольтеру важные материалы, но и принял участие в критике первого тома истории Петра I, составленной Вольтером. Ломоносов, как узнаем, отметил несколько ошибочных мнений Вольтера, в частности о лопарях. Однако при пересмотре своей книги Вольтер не всеми присланными замечаниями воспользовался.

Свое особое внимание к исторической науке Ломоносов проявил в деле со Шлецером, который, собрав значительное количество материалов, частью из дел секретных, предполагал выехать за границу и там опубликовать собранные материалы. Из патриотических соображений Ломоносов забил тревогу, опасаясь, что эти материалы будут использованы во вред русскому имени и государству. Он настоял, чтобы Шлецеру с материалами не был разрешен выезд за границу. В связи с этим в проект нового университетского устава (в 1764 г.) Ломоносов вносил пункты, говорившие о его крайней осторожности к исторической науке и к историческим архивным и библиотечным материалам.

Историк, по мнению Ломоносова, должен иметь „сильное знание в философии и красноречии“, „собирать всякого рода исторические известия“ в государственных архивах, куда доступ открывать с осторожностью. Необходимо „смотреть прилежно: 1) чтобы он (историк) был человек надежный и верный“, 2) „природный россиянин“, 3) чтобы „не был склонен в своих исторических сочинениях к шпионству и посмеянию“.[2] Значит Ломоносов проявлял высокую степень осторожности и не хотел дать противникам России исторических материалов, как оружия против своей родины.

Оценивая деятельность Ломоносова в области истории, можно сказать, что хотя он и не был историком по специальности, тем не менее сделал для исторической науки очень много, занял видное место среди историков XVIII века и поставил ряд вопросов, которые уходили далеко вперед его времени, частично даже не разрешены и современной наукой (например вопрос о происхождении славян).

На историю Ломоносов смотрел как на очень важную науку, которая имеет не только познавательное, но и глубокое общественно-политическое и воспитательное значение. Поэтому он и ставил целью написания книг по истории „открыть свету древность российского народа и славные дела государей“. Он был уверен, что история „дает бессмертие множеству народа“, „переносит минувшие дела в потомство и глубокую вечность“, „презирая грызение древности“ и, „показывая примеры геройства, побуждает к геройским делам“.

Он выдвинул обширный план написания истории России с древнейших времен до современности и тем указал многим последующим историкам (Карамзину, Соловьеву, Ключевскому) путь построения общего обзора исторического процесса. Что особенно важно, Ломоносов

---

[1] А. И. Андреев, Неизвестные труды Ломоносова, сборник „Ломоносов“ изд. Ак. Наук, 1940, стр. 297—301.

[2] Б. Д. Греков, стр. 198.

в качестве идейной цели предметом своих исторических работ ставил не князей — правителей, а народ. Это не было простой декларацией. Ломоносов взялся за изучение процесса образования русской народности и дал по тому времени блестящую гипотезу, близкую к современной постановке этой трудной проблемы (см. ниже).

Ломоносов дал ряд важных методологических установок: а) указал на связь истории с философией, хотя в практическом выполнении эта сторона в его работах оказалась недостаточно отраженной; б) он выдвигал необходимость критического подхода к источникам, выделяя в них „правду“ от „вымыслов“, требуя использования всех источников, без преднамеренного их подбора, с замалчиванием или устранением тех, которые противоречат взглядам автора; в) он указывал на обязательность использования библиотечных и архивных фондов; г) Ломоносов своим примером показал важность использования при исторических изысканиях фольклорного материала: былин, песен, народных праздников, обычаев (коляда, купала), пережитков, сохранившихся в быту до последнего времени;[1] д) он вводил строго-хронологический порядок изложения и давал примеры точной датировки событий, поскольку это допускали источники; е) он своим примером показал важность художественной изобразительности изложения, указывая, как на пример, на греческих и латинских авторов, которые „искусством... своих героев в полной славе предали вечности“.[2]

Эти требования конкретности, наглядности, изобразительности изложения, соблюдения географической и точной хронологической перспективы в исторических работах, выдвинутые Ломоносовым, остаются в силе и в настоящее время. Хотя нужно оговориться, что как в работах Ломоносова, так и его последователей (Крекшин, Емин, Карамзин), чисто литературная точка зрения приобретала превалирующее значение и приводила к отходу от истинных фактов, к преувеличениям и измышлениям в интересах художественной изобразительности. Это дало повод Соловьеву неодобрительно отзываться о „литературном направлении“ в исторической науке, „отцом“ которого он именовал Ломоносова.

Если Ломоносову не удалось написать законченного обзора истории России в целом и написанный первый том представлял собой в большинстве случаев краткий пересказ летописи, нередко с отступлениями от нее, то все же можно указать на ряд частных положений, в которых, по словам С. М. Соловьева, „блестит во всей силе великий талант Ломоносова, и он выводит заключения, которые наука после долгих трудов повторяет почти слово в слово“.[3] К такой оценке близок и современный историк — академик Греков.[4]

Ломоносов считал славян древнейшими обитателями Европы, автохтонами, в противовес Миллеру, который признавал их поздними пришельцами из Азии; в основу своей теории Ломоносов положил данные языка.

---

1 М. В. Ломоносов, Сочинения, т. V, стр. 333—335.
2 Там же, стр. 245.
3 С. М. Соловьев, Собрание сочинений, стр. 1350—1351.
4 „Известия Академии Наук“, 1937, № 1, стр. 197—199.

Он выдвинул теорию образования российского народа сложным и длительным процессом в среде скифских и сарматских племен, известных позднее под именем славян и чуди. „Рассуждая, — писал он, — о разных племенах, составляющих Россию, никто не может почесть ей в унижение, ибо ни о едином языке утвердить невозможно, чтобы он сначала стоял сам собою, без великого примешания. Большую часть оных видим военными неспокойствиями, переселениями и странствованиями в таком между собой сплетении, что рассмотреть почти невозможно, коему народу дать вящшее преимущество“.[1]

Это и есть блистательная глубочайшая мысль Ломоносова, которая восхищала многих историков, языковедов и литераторов и вызвала десятки научных работ по изучению сложного этно-генетического процесса, в результате которого образовался русский народ.[2]

Ломоносов отрицал норманское происхождение первых князей Рюрикова дома, на чем настаивал Боуер, Татищев, Миллер, Шлецер и другие, подверг эту теорию всесторонней критике и выдвинул свою гипотезу о славянском происхождении русских князей. Он утверждал, что термин „русь“ появилось в памятниках значительно раньше Рюрика; русь была не только на севере, но и на юге и с варягами-норманнами не связана, и выводил первых князей из Пруссии, считая „порусов“ (пруссов — литовцев) славянами. Эта последняя догадка Ломоносова в настоящее время признания не получила.

Но Ломоносов оказался правым в том отношении, что до варягов-норманов уже были примитивные государственные объединения славян (например князья у древлян); определяющего значения норманское завоевание в истории древней Руси не имело; сами первые князья вскоре ославянились.[3]

Замечание Ломоносова о „необузданной вольности“ Великого Новгорода показывает, что он понимал положение плутократической республики, как тормоза к созданию единого Московского централизованного государства, необходимого в целях самообороны страны.

Ломоносов вводил сравнительный метод изучения древней Руси; хотя нужно отметить, что его гипотеза „подобий“ деяний российских с римскими является неудачной, механической.

Ломоносова не раз упрекали в том, что он поместил в своем изложении и явно баснословные предания, например о появлении якобы апостола Андрея в I веке на Днепре среди славян, о происхождении Рюрика из рода римского императора Августа и др.

Но эти сказания входили в круг официально признанных данных письменности и даже правительственных документов. Ломоносов о таких сведениях говорил осторожно: „вероятности отрещись не могу, достоверности не вижу“.[4] Таково было требование руководящих общественных кругов и низкий уровень исторической науки в России, что многие ошибки и неправильности, отраженные в работах Ломоносова, им единолично не могли быть преодолены и долгое время

---

[1] М. В. Ломоносов, Сочинения, т. V, стр. 248—249.

[2] История СССР, под ред. Лебедева и др., т. I. стр. 35—39, 57, 90 и др.

[3] С. Ю. Юшков, Очерки по истории феодализма, 1939, стр. 18, 27, 29; История СССР, т. I, 1939, стр. 91—92.

[4] М. В. Ломоносов, Сочинения, т. V, стр. 294.

повторялись и после него в XIX веке. Тем не менее заслуги Ломоносова в области истории были таковы, что даже его первоначальный противник, упомянутый выше специалист-историк Шлецер, позднее дал положительную оценку историческим трудам Ломоносова. В итоге следует признать, что и в области исторической науки имя Ломоносова заняло свое почетное место; по некоторым основным вопросам он сказал новое слово и поставил ряд проблем, которые были актуальными в течение всего XIX века и остались действенными до наших дней.

НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛОМОНОСОВА

В XVIII веке Франция была одной из самых передовых стран по развитию научной мысли, материалистического миросозерцания и новых идей, подрывавших устои старого феодально-крепостнического строя. В ней появился ряд блестящих философов, ученых, писателей и публицистов, которые громили церковь, как идеологический оплот феодального общества, средневековые учреждения: королевскую власть, крепостное право, ремесленные и торговые уставы, сковывавшие частную инициативу, науку и технику.

Представители этого направления верили во всемогущество человеческой мысли, в творческие силы человека и призывали к просвещению и освобождению народных масс, к отмене привилегий дворянства и духовенства, к установлению свободных конституционных учреждений, к отмене вмешательства со стороны государства в деятельность людей, предоставлению им „свободы производства, свободы торговли". По замечательным словам Энгельса, просветители XVIII века, начиная с Морелли и Мабли, „не признавали никакого авторитета", „Религия, взгляд на природу, государственный строй, общество,— все было подвергнуто беспощадной критике. Все должно было оправдать свое существование перед судилищем разума или же отказаться от своего существования. Мыслящий ум был признан единственным мерилом всех вещей".[1] Это были лозунги народившейся и крепнущей буржуазии, в то время класса прогрессивного.

Наиболее блестящими представителями французских просветителей XVIII века были: Вольтер, Монтескье, Руссо, Дидро и другие энциклопедисты; к ним примыкали талантливые экономисты-физиократы Кенэ, Гурнэ, Тюрго и др. Вся эта плеяда в своих произведениях и памфлетах обращалась к французам и европейскому обществу с горячим призывом сломать старый феодальный строй и создать новое свободное общество (буржуазное) на основах рационализма (разума). Это в XVIII веке звучало революционно.

Идеи французских просветителей, особенно старшего поколения, около середины XVIII века проникли не только во все западноевропейские страны, но и в Россию, захватив собой наиболее просвещенную группу передовых людей.

---

[1] К. Маркс—Ф. Энгельс, сборник об искусстве „Об эпохе просвещения", 1938, стр. 255 и след.

Не мог не откликнуться на это идейно-общественное течение и Ломоносов. В отношении ряда вопросов эти идеи глубоко совпадали с выращенными им самостоятельно мыслями, планами и стремлениями, как выходца из крестьянских трудовых масс и человека с свободным научно-материалистическим миросозерцанием.

Подобно французским просветителям XVIII века, Ломоносов в течение многих лет настойчиво и страстно боролся за русскую науку, за развитие культуры и просвещения народных масс.

Науку он пропагандировал в своих одах и многих других специальных и публицистических сочинениях. В его одах находим восторженный гимн науке. Он обращается к наукам, как к живым существам, с таким вдохновенным приветом: „О вы, счастливые науки! Пройдите землю и пучину, и степи, и глубокий лес, везде исследуйте всечасно, что есть велико и прекрасно, чего еще не видел свет!“[1]

Ломоносов обращается к будущим поколениям русских ученых, которых он предвидел умственным взором, с горячим призывом — изучать науки, считая, подобно Цицерону, что „Науки юношей питают, отраду старым подают, в счастливой жизни украшают, в несчастной случай берегут“.

Он был убежден, что при талантливости русского народа, при его трудоспособности и упорстве „может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов (Ньютонов) российская земля рождать“.

Но не таково было время, при господстве дворян и угнетении крестьянских масс, чтобы российская земля действительно рождала многих философов и ученых. Народ был скован узами крепостного права и произволом правительственной власти и бюрократии. Ломоносов отлично это понимал, боролся с некоторыми проявлениями феодально-крепостнической системы, но в решительную оппозицию к власти не становился. Он еще надеялся, что может многое сделать лично, опираясь на правоту и справедливость самого дела, надеялся на помощь любителей просвещения из придворной знати и на свою настойчивость и энергию. По собственным словам Ломоносова, он „имел терпение, благородную упрямку и смелость к преодолению всех препятствий в распространении наук в отечестве, что мне,— добавлял он,— всего в моей жизни дороже“.[2]

Ломоносов свою борьбу за русскую науку, за общую пользу, за утверждение просвещения считал основной целью своей жизни, перед которой он не отступал, несмотря на величайшие препятствия со стороны бюрократии, невежественного духовенства и многих „недоброхотов“.

О своей роли деятеля науки, поборника просвещения Ломоносов в письме к Теплову (30 января 1761 г.) выразительно заявлял: „За общую пользу, а особливо за утверждение наук в отечестве и против отца своего родного восстать за грех не ставлю“; „Что до меня надлежит, то я к сему себя посвятил, чтобы до гроба моего с неприятелями наук российских бороться, как уже борюсь 20 лет; стоял за них с молода, на старость не покину“.[3]

---

[1] М. В. Ломоносов. Сочинения, т. I, стр. 152.
[2] Б. Н. Меншуткин, Жизнеописание, 1937, стр. 234 и след.
[3] Там же, Жизнеописание, стр. 234.

В целях создания русской науки Ломоносов много и упорно сам работал как исследователь. Читал публичные лекции, чтобы вынести свет знания за пределы Академии, писал научно-популярные статьи, свою поэзию превращал в орудие пропаганды научных воззрений.

Ломоносов готовил русских учеников и от других академиков требовал того же. В частности, в химической лаборатории организовал для студентов первый не только в России, но и за границей учебный экспериментальный практикум. Под особым присмотром Ломоносова за четыре года (в 60-х годах) гимназию при Академии Наук окончили двадцать студентов, несмотря на „чувствительные помешательства" со стороны завистников и недоброжелателей, а могло бы быть двести человек и более, как с горечью и негодованием заявлял Ломоносов.[1]

Много сил и забот положил Ломоносов и об университете академическом, но и здесь перед ним стояли весьма значительные препятствия. Еще в 1745 г. Ломоносов выдвинул проект увеличения числа студентов и гимназистов в университете и гимназии при Академии, улучшения их материального положения. Заправилы Академии были против такого расширения. Сенат, куда Ломоносов обратился за поддержкой своего проекта, от имени генерал-прокурора объявил, что „для рассмотрения ломоносовского заявления времени нет".[2]

Провал не обескуражил Ломоносова. Он снова обращается в Академию и настаивает пополнить число студентов путем вызова учеников из монастырских школ, очевидно, вспоминая вызов себя и других товарищей из московской Славяно-греко-латинской Академии, а также требовал увеличения кадров для пополнения гимназии. Результат был тот же.

Как только в связи с пересмотром академического устава (с 1747 г.), при новом президенте Академии Кирилле Разумовском появилась возможность расширить Академию, Ломоносов поднял боевой вопрос о приеме в академические учреждения молодежи из низших классов населения — посадских людей и крестьян. Это было смелым, решительным шагом к расширению научных кадров.

При обсуждении п. 24 Академического регламента, по которому посадских и крестьян принимать в университет и гимназию при Академии было запрещено, Ломоносов подал свое особое мнение, в котором писал:

„Во всех европейских государствах позволено в Академиях обучаться на своем коште (содержании), а иногда и на жалованьи всякого звания людям, не исключая посадских и крестьянских детей, хотя там уже и великое множество ученых людей. А у нас в России при самом науконачинании",[3] не принималось действительных мер к пополнению Академии русскими учеными и учениками.

„Сей источник (пополнение посадскими и крестьянами) регламентом по 24 пункту заперт, где положенных в подушный оклад в универ-

---

[1] П. П. Пекарский, История Академии Наук, т. II, стр. 106.

[2] П. С. Билярский, Материалы, стр. 83.

[3] К этому времени относились резкие слова Теплова: „Ныне Академия без академиков, канцелярия без членов, университет без студентов... во всем замешательство".

ситет принимать запрещается. Будто бы 40 алтын (размер подушного оклада),— иронизировал Ломоносов,— столь великая и казне тяжелая была сумма, которой жаль потерять на приобретение ученого природного россиянина и лучше выписывать".

Здесь две замечательные мысли: 1) Академии Наук нужно вербовать и приготовлять ученых из русских людей; 2) необходимо широко открыть двери академических учреждений для горожан и крестьян, для талантливой молодежи русского народа. Ломоносов предлагал увеличить немедленно штат студентов до тридцати, гимназистов — до шестидесяти.

На этой почве у него вышло крупное столкновение с другими академиками (Фишером и пр.) и с администрацией Академии (Шумахер, Тауберт, Теплов).

Все эти „недоброхоты" и „наглые угнетатели" российской науки, как Ломоносов их неоднократно называл, возражали против проекта: „Куда-де столько студентов и гимназистов, куда их девать?"

Им Ломоносов давал решительную отповедь, указывая, что в России нет ученых специалистов, „нет природных россиян ни аптекарей, да и лекарей мало, также механиков искусных, горных людей, адвокатов и других ученых и ниже (даже) своих профессоров (академиков) в самой Академии".

В спорах по п. 24 Устава и возражениях против своего проекта Ломоносов справедливо видел не случайное возражение против одного из параграфов академического устава, но общее недоброжелательство и скептицизм иностранцев — „немцев" в отношении русской науки, высокомерное отношение, а в некоторых случаях даже прямую клевету на русский народ.

Ломоносову хорошо было известно, что „немцы" писали в своих журналах и книгах о косности русских, малые успехи в науке приписывали „тупому и непонятному разуму", „великой лености и нерадению" русских. По этому поводу он разражался негодованием.

„Каково читать и слышать,— записано у него,— истинным сынам отечества, когда иностранные в „Ведомостях" и в сочинениях пишут о россиянах, что-де Петр Великий напрасно для своих людей о науках старался, и ныне-де дочь его Елизавета без пользы употребляет на то же великое иждивение!" „Таковые рассуждения иностранных,— замечал он,— происходят иногда по зависти и наущению от здешних недоброхотов российским ученым".[1] Не в бровь, а прямо в глаз Шумахерам и компании!

Ломоносов считал своим долгом опровергнуть такое мнение публично довольными доводами, считая его клеветой на русский народ, в частности и на него, Ломоносова, как природного россиянина, наукам преданного, занимающегося ими с успехом.[2]

Отстаивая честь и достоинство русских ученых, Ломоносов, несмотря на недовольство по его адресу высоких сфер, вскрывал истинные побуждения „недоброхотов" в их борьбе против зарождающейся

---

[1] П. П. Пекарский, История Академии Наук, т. II, стр. 675.

[2] В. Ламанский, Ломоносов и Петербургская Академия Наук, Материалы, стр. 104—107.

русской науки и просвещения. „Шумахеру (а в его лице и всей компании дельцов, добавим) было опасно продвижение в науках и произвождение в профессоры (академики) природных россиян, от которых он уменьшения своей силы больше опасался“. У Ломоносова же была глубочайшая вера в творческие силы русского народа (Греков).[1]

В письме к Шувалову (17 апреля 1760 г.) он писал: „Мое единственное желание состоит в том, чтобы привести в вожделенное течение гимназию и университет (при Академии), откуда могут произойти многочисленные Ломоносовы“.

Деятельность М. В. Ломоносова в Академии, как представителя науки, заведывавшего одно время академической канцелярией, университетом и гимназией, историческим и географическим департаментом Академии, была столь значительна, почти всеобъемлюща, что он на происки врагов и угрозу отставки с полным правом мог заявить: Академию от меня отставить можно, а меня от Академии — нет.

Но Ломоносов в своей работе и планах выходил далеко за пределы Академии, концентрируя вокруг себя наиболее значительный комплекс научно-просветительной работы. Он является основателем Московского университета: по его инициативе и проекту, при содействии придворного сановника, любителя поэзии и наук И. И. Шувалова, в 1755 г. открыт старейший российский университет в Москве.

Университет был учрежден в составе трех факультетов: медицинского, юридического и философского; профессоров намечено было назначить не менее двенадцати с тем, чтобы в дальнейшем по мере расширения приглашать новых. В числе первых профессоров были назначены некоторые ученики Ломоносова.

В отношении студенческого состава Университет предназначался „для обучения высшим наукам желающим дворянам и для генерального обучения разночинцам“. Следовательно, по идее не только дворяне, но и демократическая часть населения — разночинцы были допущены в университет. Вот эта брешь в дворянской цитадели и была пробита Ломоносовым, она привела к тому, что Московский университет стал одним из главнейших центров русской науки и культуры.

Значение Ломоносова в этом деле столь велико, что в прошлом, 1940 году в связи с 175-летием со дня смерти нашего великого ученого, Московскому государственному университету постановлением правительства присвоено имя Ломоносова.

Окрыленный успехом открытия университета в Москве, Ломоносов в начале шестидесятых годов составил проект организации другого столичного университета — в Петербурге — на несколько сот студентов, по типу Московского. В бумагах его (от 1760 г.) имеется запись: „говорить графу (Шувалову) об основании университета в Киеве“.[2] Значит он думал об основании университетов и в других крупных городах, видимо вспоминая распространенность их в Германии.

Сверх того Ломоносов подавал записку Шувалову о необходимости учредить гимназии в разных губернских городах.

---

[1] „Известия Академии Наук“, 1937, № 1, стр. 188—191.

[2] В. Ламанский, Ломоносов и Петерб. Ак. Наук, Материалы, стр. 143.

Наибольшие хлопоты Ломоносову доставлял проект преобразования, или лучше сказать открытия нового, университета в Петербурге. Он написал проект устава со штатами (14 февраля 1760 г.), заготовлял объяснительные записки и текст указа Елизаветы за подписью гр. Разумовского, как президента Академии, и своею собственною, как автора проекта. В 1761 г. Ломоносов несколько раз ездил в Петергоф, чтобы лично поднести Елизавете заготовленную грамоту об учреждении университета.

Он так страстно мечтал о своем детище и так надеялся, что проект будет утвержден, что даже набросал конспект благодарственной речи правительнице, в которой хотел видеть истинную по духу и уму дочь Петра, „Великого преобразователя". Ему, стремившемуся „распространить науки в России", казалось, что в таком правом и благородном деле не должно быть ни колебаний, ни отсрочки. Елизавета не захотела выслушать Ломоносова и заготовленной грамоты не подписала не только из-за ее личного „совершенного равнодушия" к подобным вещам, как утверждал Ламанский,[1] но и вследствие влияния придворных и бюрократии, для которых просвещенный народ представлялся опасным. Старались о том же и главные противники из Академии по зависти к Ломоносову и боязни утерять свое положение в Академии, подлаживаясь под интересы влиятельных сфер.

На этом пути энергия Ломоносова в его борьбе за русскую науку и просвещение встретила непреодолимые препятствия.

Ломоносов в своих планах и заботах о развитии науки, просвещения и культуры много размышлял о разностороннем преобразовании своего отечества. В замечательном письме (от 1 ноября 1761 г.) к И. И. Шувалову он набросал ряд тем, к которым он приковывал внимание влиятельного сановника:

„1. О размножении и сохранении российского народа; 2. Об истреблении праздности; 3. Об исправлении нравов и большем просвещении народа; 4. Об исправлении земледелия; 5. Об исправлении и размножении ремесленных дел и художеств; 6. О лучших пользах купечества (торговли); 7. О лучшей государственной торговле".

В другой записке этот перечень продолжался:

„8. Об умножении внутреннего изобилия (то есть о торговле); 9. О купечестве, особливо с внешними народами; 10. О лесах; 11. Экономическая география; 12. Экономическая ландкарта".[2]

Простой перечень тем показывает, как грандиозен был размах планов и проектов мероприятий, о которых раздумывал Ломоносов в своем стремлении насадить культуру, добиваться всюду „общей пользы" отечеству. Некоторые из указанных проектов он конкретизировал.

Так по вопросу „О размножении и сохранении российского народа" он предлагал: а) отменить стеснительные правила о браке, запретить принудительные браки среди крепостных, не принуждать к постам,

---

[1] В. Ламанский, Материалы, стр. 145.

[2] „Известия Академии Наук", 1937, № 1, из статьи Грекова — стр. 194. У Меншуткина передано с вариациями, видимо, в вольном переложении — „Жизнеописание"..., 1937, стр. 191—193.

крещению холодной водой; б) устроить дома для воспитания внебрачных детей; в) бороться с детскими болезнями, организовать медицинскую помощь неимущему населению; г) предупреждать выселение и бегство крестьян из центральных губерний на окраины и пр.

В основной идее „размножения" выражалась модная в то время идея „многонародия", „счастливой" (эвдемонистической) жизни, политика, направленная к „приращению общей пользы", дабы „всем было хорошо жить" (пояснение Шторма).

Представителями эвдемонизма в философии были Вольф и Лейбниц. Их идеями пользовались правители, как, например, Фридрих II, Екатерина II. Но как велика разница использования этой философии у так называемых „просвещенных" монархов и у Ломоносова, чего не заметил и не подчеркнул писатель Шторм.[1] Фридрих II на людей смотрел, как на „стадо оленей, разводимых в парке крупным землевладельцем". Екатерина II путем „размножения" хотела колонизовать обширные окраины России.[2] Ломоносов хотел путем рациональных браков, достаточного питания, гигиеничной жизни, своевременной медицинской помощи выращивать здоровое потомство, предупреждать бегство крестьян на окраины. Здесь сквозила забота о крестьянине, а не его эксплоатация.

Ломоносов готовился написать ряд статей или записок публицистического характера; из них наиболее важными по затронутым вопросам представлялись: 1) Об исправлении нравов и о большем народа просвещении; 2) О мерах к поднятию земледелия, ремесл и художеств; 3) О сохранении военного искусства в годы долговременного мира.

Видимо, в шестидесятых годах Ломоносов был захвачен общим подъемом западноевропейской мысли просветителей, в частности энциклопедистов и физиократов (Кенэ, Гурнэ и др.), идеи которых о свободе экономической деятельности, о развитии сельского хозяйства, поднятии производительных сил страны, как выражение интересов передового в то время буржуазного общества, доходили и до России и здесь сразу же получали отклик среди передовых людей того времени, к которым принадлежал и М. В. Ломоносов.

В научно-просветительной деятельности Ломоносов показал себя последовательным энергичным борцом за науку, культуру и просвещение широких народных масс. Но его работа не могла развернуться. На своем пути он постоянно встречал, как указано выше, почти непреодолимые препятствия.

Россия времени Ломоносова (40—60-е годы XVIII века) была типичной дворянской империей с феодально-крепостническим строем, затронутым только в его верхней части складывающимися понемногу буржуазно-капиталистическими отношениями, начавшимся развитием промышленности и торговли. Господствующим классом было дворянство, которое, владея землями и даровым трудом крепостного крестьянства, превратилось в особо привилегированное сословие, консервативное, не желающее по существу никаких изменений, которые могли бы пошатнуть его исключительно благоприятное положение,

---

[1] В его книге „Ломоносов", 1933, стр. 121.
[2] „Наказ" Екатерины II, гл. XII. 1767.

Правда, среди части дворян, под влиянием французских идей, стал распространяться „дух вольности“, идеи „свободы“ и „просвещения“, в особенности при Екатерине II. Но, в сущности говоря, дворянство в целом, как класс, идеям западноевропейского либерализма сочувствовать не могло, и все слова о „гуманности“, „доброте“ к людям, „свободе“, „просвещении“ народа, которыми любили играть придворные Елизаветы, в особенности Екатерины II, были только красивыми словами и жестами, лишенными реального содержания. Дворяне-помещики в отношении крестьян были и оставались жестокими угнетателями с усилившеюся властью, которые не хотели ничем поступиться в своих правах и привилегиях.

Планы и стремления Ломоносова поднять русскую науку, опираясь на массы, популяризировать знания, передавать их широким кругам читателей, открыть доступ к вершинам науки не единицам, а массам, разумеется, были непонятны придворным сановникам и руководящему дворянскому обществу; даже более — такие планы встречали их осуждение и глухое противодействие.

Сам автор таких проектов вызывал к себе знаки внимания со стороны придворных к его талантам, в особенности когда он прославлял торжественным стилем императриц и сановников. Ломоносов был нужен прежде всего как придворный поэт, в качестве обязательной фигуры большего двора XVIII века. Но он был из „мужиков“ и мог принести свой „мужицкий“ дух и в придворный салон и в великосветскую гостиную. Обычно оды Ломоносова доходили до двора через посредников, чаще через Шувалова.

Все великие персоны того времени: Воронцовы, Панины, Шуваловы, Разумовские, Орловы и прочие никак не считали себе равным Ломоносова, хотя и европейски известного ученого и великого русского поэта и писателя, но выходца из крестьянской среды. А если к себе приглашали, то в сущности дальше передней или столовой не пускали Ломоносова, а порой даже готовы были позабавиться им.

И. И. Шувалов как будто был поклонником таланта Ломоносова, ценил и выдвигал его, но тем не менее любил стравливать Ломоносова с Сумароковым, двух непримиримых литературных и личных врагов, и подсмеиваться над ними, когда они в пылу спора осыпали друг друга насмешками, бранью и готовы были вступить в драку. По рассказам, такие забавные сцены Шувалов не раз подстраивал у себя, приглашая того и другого к своему столу и, видимо, подмигивая сотрапезникам при столкновении и ссоре двух почтенных лиц — академика Ломоносова и видного писателя Сумарокова.

Эту недостойную комедию заметил однажды и сам М. В. Ломоносов и дал на нее гордую и великолепную отповедь.[1] Придя домой, он написал Шувалову замечательное письмо. „Никто в жизни меня больше не изобидел, как Ваше превосходительство!“... „Призвали меня сегодня к себе — помириться с Сумароковым, то есть сделать смех и

[1] Письмо от 19 февраля 1761 г. воспроизведено фототипически в книге Меншуткина, М. В. Ломоносов, изд. 2-ое; ср. „Изв. Ак. Наук“, 1937, № 1, стр. 138. Ответ Прометея (Эсхила), восхитивший К. Маркса: „Мне лучше быть прикованным к скале, чем быть прислужником Зевеса“, то есть самого бога. Гордый ответ Ломоносова восхитил Пушкина.

позор“... А ниже Ломоносов с сознанием собственного достоинства, подобно титану Прометею, заявлял: „Не токмо у стола знатных господ или у каких земных владетелей „дураком“ (то есть шутом, прислужником) быть не хочу, но ниже (даже) у самого господа бога“.

Остра и напряженна была борьба Ломоносова против „немцев“ — иностранцев, которые занимали господствующее положение в Академии Наук, частью в бюрократических учреждениях и высоких придворных сферах сороковых — шестидесятых годах XVIII века. Среди них особенной враждебностью, скептицизмом или, по меньшей мере, полным равнодушием к развитию русской науки и просвещения относились вершители судеб Академии: советник Шумахер, его зять Тауберт, академики Фишер, отчасти Миллер, Гмелин, Вингсгейм, адъюнкт Трескот и др.

В столкновениях с ними Ломоносов проявлял свою страстную натуру, допускал грубости, жестоко „бранил“ их, „ругал всякими бесчестными словами“, называл „ворами“, „дрянью“, при столкновении обещал однажды (1743 г.) Вингсгейму „зубы поправить“, в другой раз, „около стола профессоров (академиков) остановившись, усмехнулся, ударил в ладоши и кукиш показал“. На заседаниях Академии иногда были такие горячие споры, стучанье по столу, взаимные укоры и оскорбления, что заседания прерывались и требовалось вмешательство высших инстанций, чтобы умиротворить расходившихся академиков. Отстаивая интересы науки, Ломоносов не уступал своим врагам, „недоброхотам“, зложелателям русской науки, разоблачая их действия, клонившиеся ко вреду Академии, оспаривал устно и письменно в виде записок, докладов, проектов и ученых сочинений, а также писем и представлений сановникам. Он себя именовал „сугубным камнем претткновения“ для Шумахера и его компании, не допускавшим утеснения наук.

Худой стороной для дела, защищаемого Ломоносовым, было то, что „недоброхоты“ иностранцы из Академии находили могущественную поддержку со стороны придворных сфер, в которых, начиная с правления Анны Ивановны, сильны были „немцы“, — остзейцы и прочие иностранцы и, даже после ослабления их при Елизавете, прочно продолжали держаться при Екатерине II, составляя влиятельную группу при дворе и в иностранном ведомстве.[1]

Вдумываясь в эту борьбу, оценивая тяжелую обстановку, создавшуюся в Академии Наук и вокруг нее в период Ломоносова, можно понять те резкости и „грубости“, которые допускал Ломоносов в борьбе с „немцами“, защищая Академию и русскую науку. Он громил не просто немцев, среди которых были уважаемые им лица (Христиан Вольф, математик Эйлер), его учителя, товарищи, друзья (например Рихман, Цильх и др.), а „немцев“ особого рода, ученых педантов, бездушных формалистов, чиновников от науки, кичившихся своей пресловутой, якобы образцовой, немецкой выучкой, свысока, презрительно относившихся к русскому народу, русскому языку и культуре. Такого отношения к нарождавшейся русской науке и просвещению

[1] См. Энгельс, Внешняя политика русского царизма, Сочинения, т. XVI, ч. 2, стр. 7—14. Ср. статью т. Сталина в „Большевике“, 1941, № 9, стр. 2 и след.

Ломоносов не прощал, такого рода „немцев“ он ненавидел и с ними решительно, до конца боролся.

Эта борьба внутри Академии тяжело отзывалась на работе и здоровье Ломоносова в последние годы его жизни. Он писал о себе (в 60-х годах): от постоянного противодействия, сговоров и клеветы своих притеснителей он „от крайней горести, будучи притом в тяжкой болезни, едва жив остался“.[1] Он опасался, что все его полезные начинания, „предпринятые для пользы отечества, для прирощения наук и для славы Академии“, приостановятся от недоброхотов, „исчезнут вместе с ним“.

Так же энергично и постоянно боролся Ломоносов с духовенством, с его невежественным противодействием науке. Для попов, в особенности высшего ранга, неприемлемы были свобода научной мысли, рационализм при изучении сил природы, просветительное направление поэзии и научных сочинений Ломоносова.

Наиболее яркое выражение борьба с духовенством в стиле западного антиклерикализма получила в знаменитом сатирическом произведении „Гимн бороде“, которое распространено было во многих рукописных списках, начиная с 1757 г. Вот начало этого шуточного стихотворения

Я похвальну песнь пою
Волосам, от всех почтенных,
По груди распространенным,
Что под старость наших лет
Уважает наш совет.

Затем следовал припев издевательского свойства:

Борода предорогая,
Жаль, что ты не крещена
И что тела часть срамная
Тем тебе предпочтена.

Дальнейшие стихи говорят, что анонимный автор имел в виду не бороду самое по себе, а привилегированных носителей ее в России XVIII века — духовенство, притом не только „керженцев“ (старообрядцев-раскольников), „суеверов“, скачущих в пламя (самосожженцев), но главным образом обскурантов-попов, защищающих ложные мнения, людей с высоким общественным положением.

О, прикраса золотая,
О, прикраса дорогая,
Мать дородства и умов,
Мать достатков и чинов,
Корень действий невозможных,
О, завеса мнений ложных.

Бородатые изображены язвительно и в других стихах Ломоносова: „борода — глазам замена“, „безголовье с бородой“, „козлята малые родятся с бородами, как много почтены они перед попами“.

Пикантность и острота гимна усиливалась от того, что „борода“ изображена была портретно. Автор имел в виду члена синода епископа Дмитрия Сеченова, который важно носил длинную расчесанную холеную бороду, не отличаясь ни особым умом, ни какой-либо ученостью

---

[1] Из материалов Ламанского, стр. 104.

и тактом. Вот эту-то „бороду“ и выбрал Ломоносов объектом своей злой насмешки, придав ей типичное и символическое значение.[1]

Велико было раздражение высшего духовенства против Ломоносова за его „Гимн бороде“. Синод в лице Сеченова, Сильверста Кулябко, петербургского архиепископа и других членов считал себя оскорбленным и 6 марта 1757 г. подал Елизавете Петровне особый доклад с жалобой на Ломоносова. В докладе „Гимн“ трактовался оскорбительным „пасквилем“, наполненным „противными ругательствами“, „хулением на таинство“ (крещение). Синод просил императрицу — стихотворение запретить, публично сжечь, а Ломоносова, как автора, „для увещевания и исправления“ отослать в синод.

Ломоносову грозило не только „пастырское“ внушение по тогдашним канонам, но, возможно, и ссылка или заключение в монастырь для исправления. Однако доклад синода никаких вредных последствий для Ломоносова не имел, вероятно по заступничеству Шувалова или Воронцова.

„Гимн бороде“ вызвал острую литературную полемику, в которой по существу боролось два направления: научное — ломоносовское, антиклерикальное, трезвое, близкое к западноевропейскому, и религиозно-богословское, опиравшееся на старый феодально-крепостнический строй.[2]

Не достигнув цели в прямом нападении, церковники продолжали шипеть в тайных совещаниях и подстраивали закулисные ходы не только против Ломоносова, но и против научных воззрений, представителем которых он был. Видимо, клерикалы вели агитацию против ученых людей и в своих открытых церковных выступлениях, то прямо, то косвенно намекали на ученых людей вроде академика Ломоносова, беря его под сомнение.

Ломоносов ответил им решительным своеобразным предложением. В написанном им проекте „Регламента университета“ (от 1759 г.) в числе „привилегий“ университета он предлагал внести такой пункт закона: „Духовенству к учениям, правду физическую для пользы и просвещения показующим, не привязываться, а особливо не ругать наук в проповедях“.[3] Это было требованием свободы научных исследований и ограждением от церковной цензуры.

Ломоносов в своей научно-просветительной деятельности был „первым нашим университетом“, как необыкновенно метко определил роль Ломоносова Пушкин. Глубина, исполинский размах и универсальность научной мысли Ломоносова, ряд великих открытий, смелые дерзания в овладении Арктикой, его горячий патриотизм, решительная борьба с препятствиями, которые на каждом шагу ставили ему придворно-бюрократическая среда, группа „немцев“ и духовенство, кипучая страстность, которую он вносил в теоретические вопросы, познание природы, использование ее богатств, преобразование своего отечества,

---

[1] Академик В. Н. Перетц, Ломоносовский сборник, изд. 1911, стр. 85—86. П. Н. Берков, Ломоносов и литературная полемика его времени, 1935, стр. 195—199.

[2] П. Н. Берков, Ломоносов и литературная полемика его времени, стр. 208—239.

[3] П. П. Пекарский, История Академии Наук, стр. 671.

насаждение школ, науки и культуры среди народных масс — ставят Ломоносова в первый ряд великих сынов могучего русского народа.

Научно-просветительная деятельность Ломоносова, его смелые планы и мечты созвучны нашей героической эпохе и предвосхищали многое из того, что становится действительностью нашего великого социалистического строительства. Можно с полной основательностью сказать, что Ломоносов в свое время был представителем и борцом новой передовой науки, той науки, которая, по замечательным словам товарища Сталина, ломает старые традиции, нормы и установки, открывает новые пути и служит народу в его борьбе за лучшее будущее.

М. В. Ломоносов, подобно Аристотелю, Леонардо-да-Винчи, Карлу Марксу, а также другим универсальным гениям, работал во многих областях науки и искусства, внося новое во всякую область, до которой доходила его рука.

Он оставил после себя колоссальное наследство в виде не только многих печатных работ, имеющих общеевропейское значение, но также огромное рукописное наследство, которое долгое время оставалось слабо изученным. Только XX век, в особенности наши годы победившего социализма и тот исключительный подъем науки, который произведен Великой Октябрьской социалистической революцией, дали возможность раскрыть всю широту и глубину научных дерзаний Ломоносова и величие всей его деятельности.

Неудивительно, что многие из его научных открытий и начинаний не могли осуществиться в течение десятилетий, столетия и более, иные остались забытыми, вновь открыты были другими, большею частью западноевропейскими учеными. Таковы, например, закон сохранения вещества, основы физической химии, проект Северного морского пути на Восток, методы окраски стекол для мозаичного производства и многое другое.

Значение Ломоносова в истории русской науки, русского просвещения и культуры чрезвычайно велико. Он был всеобъемлющим гением, первым русским ученым, вступившим в ряды новаторов мировой науки. Академик Леклер на траурном заседании, посвященном памяти умершего Ломоносова (в апреле 1765 г.), по справедливости без преувеличения говорил: „Не стало человека, имя которого составило эпоху в летописях человеческого разума, обширного и блестящего гения, обнимавшего и озарявшего вдруг многие отрасли". „Его будут чтить повсюду, где будут люди просвещенные".

Советский народ помнит и чтит Ломоносова. Мы ценим блестящие успехи Ломоносова в области наук и искусства, помним его горячую любовь и преданность своей родине и тому народу, из недр которого он вышел.

Мы признаем героической его неустанную страстную борьбу за честь российского народа, за утверждение и распространение науки, просвещения и культуры среди широких народных масс. Имя Ломоносова начертано неизгладимыми письменами в наших сердцах. Его наследие „вошло ценной частью в железный фонд русской и мировой культуры" („Правда").

Сбылись мечты Ломоносова: на одной шестой части мира наука стала достоянием массы трудящихся. В Советской стране созданы исключительные условия для появления и расцвета Ломоносовых.

ГЛАВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. В. ЛОМОНОСОВА

1711 ноябрь, 19 н. ст. (ноябрь, 8 ст. ст.) рождение Михаила Васильевича Ломоносова в дер. Денисовке (совр. Ломоносово), в 4 км от Холмогор, в семье крестьянина.

1720—1721 Обучение грамоте у соседа Ивана Шубного и приходского дьячка Сабельникова.

1722—1723 Начало участия в поездках отца по С. Двине и Белому морю.

1723 Чтение в приходской церкви „псалмов и канонов“ — церковных книг.

1725 Изучение первых светских книг: „Славянской грамматики“ Смотрицкого и „Арифметики“ Магницкого, изд. 1703 г.

1726 февраль, 26. Первая сохранившаяся подпись 14-летнего Ломоносова.

1730 декабрь. Уход из дому 19 лет в Москву учиться.

1731—1739 Ломоносов в Москве:

1731 январь 1. Прибытие с обозом и поступление в Навигационную школу, а вскоре (с 15/I) в Славяно-греко-латинскую Академию.

1734 декабрь. Командировка в Киевскую духовную академию.

1735 Возвращение в Москву.

1735—1736 Ломоносов в Петербурге: вызов в Петербургский университет при Академии Наук; посылка за границу — в Германию для изучения химии, металлургии и горного дела.

1736—1741 Ломоносов за границей.

1736 декабрь 3 — 1739 июнь 20. Пребывание в Марбургском университете, изучение наук под руководством проф. Х. Вольфа и др.

1739 июль — 1740 май. Обучение во Фрейберге, занятия металлургией под руководством горного советника проф. Генкеля.

1739 Написание оды „На взятие Хотина“ и „Письма о русском стихосложении“.

1739—1762 Годы развития литературного творчества.

1740 июнь 6. Женитьба в Марбурге на дочери церковного старшины (ремесленника) Елизавете Цильх.

1740 июль — начало 1741. Скитания по Германии и Голландии.

1741 июнь 8. Прибытие из-за границы в Петербург.

1741 июнь—декабрь. Оставление при Академии Наук с дачей временных поручений.

1741—1758 Главные работы в области химии, физики и естествознания.

1742 январь 8. Назначение адъюнктом Академии Наук по физическому классу с окладом в 360 руб. в год.

1743 май 28 — 1744 январь 18. Привлечение к следствию ввиду столкновений с академиками, домашний арест.

1745 июль 25. Назначение профессором химии (академиком) с окладом в 660 руб.

1746 Перевод и издание Ломоносовым „Экспериментальной физики“ Хр. Вольфа.

1748 Постройка по проекту и настойчивым хлопотам Ломоносова первой в России химической лаборатории.

1749—1750 Дискуссия с историком Миллером, начало специальных работ в области истории.

1753	Постройка стекольного завода, при нем — мастерской (с 1761 г.) для производства мозаичных картин и прочих изделий в Усть-Рудице, Копорского уезда.
1755	январь 23 (по ст.ст. — январь 12). Открытие Московского университета по проекту Ломоносова, при содействии И. И. Шувалова.
1755	Составлена „Российская грамматика".
1757	Привлечение Ломоносова к работе географического департамента Академии Наук.
1757	сентябрь. „Слово о рождении металлов от трясения земли".
1757	Сатирическое стихотворение „Гимн бороде".
1758	март. Указ президента Академии Наук гр. Разумовского о поручении Ломоносову руководства историческим и географическим собраниями Академии Наук.
1761	Издание труда „Первое основание металлургии или рудных дел", начатого в 1742 г.
1763	сентябрь. Окончание крупной работы: „Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию".
1764	Избрание почетным членом Болонской Академии Наук за выдающиеся успехи в мозаическом производстве.
1764—1765	Проект и план подготовки экспедиций на Восток по Северному морскому пути.
1765	апреля 15. Смерть в Петербурге (похороны на Александро-Невском кладбище).

I БИБЛИОГРАФИЯ О М. В. ЛОМОНОСОВЕ

В. Межов, История русской и всеобщей словесности, П., 1872, стр. 392—396

Выставка Академии Наук „Ломоносов и Елизаветинское время", т. VI — Г. З. Кунцевич, Библиография изданий сочинений Ломоносова на русском языке, 1918; т. VII — Материалы по библиографии литературы о Ломоносове на русском, немецком, французском и шведском языках, П., 1918.

Г. Шторм, Ломоносов, М., 1933 г.; в конце — библиография, стр. 136—139.

М. В. Ломоносов, — Краткий указатель литературы (к 175-летию со дня смерти), изд. Архангельской обл. библиотеки им. Добролюбова, 1940, 12 стр.

II ИЗДАНИЕ СОЧИНЕНИЙ М. В. ЛОМОНОСОВА

М. В. Ломоносов, Сочинения, с объяснительными примечаниями акад. М. И. Сухомлинова, изд. Ак. Н., тт. I—V, СПб., 1891—1902, стр. 502 + 426 + 567 + 374 + 261. Т. VI, под ред. и с примеч. Б. Н. Меншуткина и Князева, 1934, стр. 131. Т. VII, под ред. Б. Н. Меншуткина, Л., 1934, стр. 591.

В указанных томах помещены:

т. I — литературные произведения 1738—1751 гг.: оды, переложения псалмов, надписи, „Полидор" (идиллия), „Тамира и Селим" (трагедия) и другие стихотворения.

т. II — сочинения 1752—1762 гг.: оды, надписи, эпиграммы, стихотворения разного рода, поэма „Петр Великий", „Гимн Бороде", переводы из Лукреция, разговор с Анакреоном и пр.

т. III — сочинения за 1739—1744, 1748 гг.: Письмо о правилах российского стихотворства; Краткое руководство к риторике; Краткое руководство к красноречию и пр.

т. IV — сочинения 1751—1756 гг.: Об окончании имен прилагательных во множественном числе; Российская грамматика (1755); Филологические исследования; О нынешнем состоянии словесных наук в России; Слово о пользе химии (1751); Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих (1753); Похвальное слово Петру Великому (1755); Слово о происхождении света (1756).

т. V — труды 1749—1765 гг.: Слово о рождении металлов от трясения земли (1757); Рассуждение о большей точности морского пути; Рассуждение о твердости и жидкости тел (1760); Явление Венеры на солнце (1761), Замечания и возражения на речь акад. Миллера „Происхождение народа и имени россий-

ского“ (1749—1750); Краткий российский летописец (1760); Древняя российская история (1763—1765).

т. VI — сочинения 1739, 1741, 1756 и 1762 гг. (преимущественно на латинском языке): студенческие диссертации и исследования по химии, физике и естествознанию; Вольфиановская экспериментальная физика; о северном сиянии, прочие работы.

т. VII — сочинения за 1761—1765 гг.: Первое основание металлургии или рудных дел; Краткое описание разных путешествий по северным морям и показания пути в Восточную Индию. Примерная инструкция морским офицерам, отправляющимся на Восток; Химические и оптические записки; Горизонтоскоп; Описание кометы.

Более ранние издания произведений Ломоносова, имеющиеся в библиотеках г. Архангельска:

Собрание разных сочинений в стихах и прозе, изд. Ак. Н., кн. I, СПб., 1751, кн. 2-я, 1759.

Полное собрание сочинений М. В. Ломоносова, в 5 частях, изд. Ак. Н., Спб., 1784.

Сочинения Ломоносова, изд. А. Смирдина, в 3 томах, М., 1847.

Современные издания для учебных целей по преимуществу:

М. В. Ломоносов, Физико-химические работы, 1923, 117 стр.

М. В. Ломоносов, Стихотворения (избранные, в одном томе), под ред. акад. Орлова, „Советский писатель“, 1935, 336 стр.

Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков, Стихотворения, ред. и прим. П. Беркова и Г. Гуковского, „Советский писатель“, 1935, 287 стр. (Малая серия, № 4).

Б. Н. Меншуткин, Труды М. В. Ломоносова по физике и химии, изд. Ак. Н., Л., 1936, 537 стр.

Рукописи Ломоносова, Труды Архива Ак. Н. СССР, вып. 3, изд. Л. Б. Модзалевского, с предисловием Меншуткина, М., 1937.

III. МАТЕРИАЛЫ И ПОСОБИЯ БИОГРАФИЧЕСКИЕ

Б. Н. Меншуткин, Жизнеописание М. В. Ломоносова, изд. Ак. Н., Л., 1937, 238 стр. Сокращенно —„Известия Академии Наук СССР“, Отд. общ. наук, 1937, № 1, стр. 35—148.

Г. Шторм, Ломоносов, биографический очерк с 16 иллюстрациями в изд. „Жизнь замечательных людей“, вып. 23—24, М., 1933, 141 стр.

Ломоносовский сборник, изд. Ак. Н., СПб., 1911, 354 стр.

Ломоносовский сборник, изд. Архангельского губ. стат. комитета, 1911, 156 стр.

Н. С. Тихонравов, Исторические материалы для биографии Ломоносова, „Сочинения Н. С. Тихонравова“, т. III, М., 1898.

Ксенофонт Полевой, М. В. Ломоносов, тт. I и II, П., 1887.

П. П. Пекарский, История Академии Наук, т. II, Биография М. В. Ломоносова, П., 1873, стр. 259—892.

В. Ламанский, Ломоносов и Петербургская Академия Наук, Материалы, П., 1865.

См. также Чтения в Общ. ист. и др. рос., кн. 1, 1865, стр. 37—192.

А. А. Куник, Сборник материалов для истории Академии Наук в XVIII в., П., 1865.

П. С. Билярский, Материалы для биографии Ломоносова, П. 1865.

Я. Штелин, Анекдоты и черты из жизни Ломоносова, 2-е изд. П., 1865, (1783).

В. Верещагин, Очерки Архангельской губернии, П., 1849, 343 стр.

И. Лепехин, акад., Дневные записки путешествия, П., 1771, 2-е изд.—1804.

П. Челищев, Путешествие по северу России в 1791 г., М., 1886.

IV. ЛОМОНОСОВ КАК ФИЛОСОФ-МАТЕРИАЛИСТ

И. Бурмистенко, Философские взгляды Ломоносова, журн. „Под знаменем марксизма“, 1938, № 9, стр. 110—137.

Г. Васецкий, Философские и общественно-политические взгляды М. В. Ломоносова, журн. „Фронт науки и техники“, 1938, № 6, стр. 100—119.

Г. И. Райнов, Русское естествознание второй половины XVIII в. и Ломоносов, Сборник „Ломоносов“, изд. Ак. Наук, М.—Л., 1940, стр. 318—388.

V. ЛОМОНОСОВ КАК ФИЗИК, ХИМИК И ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬ

Сборник статей и материалов „Ломоносов“, под ред. А. И. Андреева и Л. Б. Модзалевского, изд. Ак. Наук, 1940, 407 стр. В сборнике напечатаны:

„Лабораторный журнал и лабораторные записи“ Ломоносова; его теория о строении комет; материалы о фабрике в Усть-Рудице и др. (стр. 9—170).

А. А. Елисеев, Физический кабинет Академии Наук и Ломоносов (стр. 173—206);

А. А. Сауков, Ломоносов — первый русский геолог, минералог и разведчик.

Г. Г. Леммлейн, Мысли Ломоносова о кристаллах (стр. 213—221).

В. В. Данилевский, Ломоносов как техник.

В. Ф. Гнучева, Ломоносов и географический департамент Ак. Н. (стр. 244—266).

А. В. Перевалов, Труды Ломоносова по географии северных полярных стран.

А. Ф. Андреев, Ломоносов и Крашенинников (стр. 286—296).

А. Ф. Андреев, Неизвестные труды Ломоносова по географии и истории России.

Д. С. Бабкин, Образ Ломоносова в портретах XVIII в. (стр. 302—317).

Т. И. Райнов, Русское естествознание второй половины XVIII в и Ломоносов.

Модзалевский и Андреев, Об автографах Ломоносова (стр. 391—398).

А. Н. Иванов, О Ломоносове как геологе и его сочинении „О слоях земли“, „Ученые записки кафедры геологии МГПИ, вып. 1, 1939, стр. 3—43.

Б. Н. Меншуткин, Труды М. В. Ломоносова по физике и химии, изд. Ак. Н., 1936, 537 стр. Ср. доклад на торжественном заседании 12/XI 1936 г. „Известия Ак. Н.“, № 1, стр. 243—247.

Вавилов, Оптические воззрения и работы Ломоносова, там же, стр. 201—242.

И. П. Рацен, Ломоносов (о его работах по естествознанию), „Вестник Ак. Н., 1936, № 11—12, стр. 5—28.

И. А. Каблуков, Ломоносов как физико-химик. М., 1912.

Ломоносовский сборник, изд. Ак. Н., 1911, 345 стр.

В. В. Богачев, Ломоносов — первый русский геолог, 1912.

П. И. Вальден, Ломоносов как химик, изд. Ак. Н., 1911, 21 стр.

А. П. Павлов, Значение Ломоносова в истории почвоведения, М., 1911.

Об Усть-Рудицкой фабрике

Сидоров, Усть-Рудицкая фабрика Ломоносова, „Известия Ак. Н., Отд. общ. наук“, 1937, № 1, стр. 149—174.

Н. Макаренко, Мозаичные работы Ломоносова, Выставка „Ломоносов и Елизаветинское время“, т. VIII, П., 1917.

М. Ф. Злотников, Материалы о фабрике Ломоносова в Усть-Рудицах, сборник „Ломоносов“, изд. Ак. Н., 1940, стр. 117—170.

В. Кузнецов, Очерк истории русской науки, М.—Л., 1940.

Ломоносов и Арктика

В. А. Перевалов, Труды Ломоносова по географии северных полярных стран, сб. „Ломоносов“, 1940, стр. 267—285.

В. А. Перевалов, Ломоносов и освоение Арктики, журн. „Советская наука“, 1939, № 4, стр. 100—118.

Б. Рихтер, Забытая экспедиция (1765—1766 гг. по проекту Ломоносова), журн. „Наша Родина“, 1939, № 3, стр. 42 и сл.

Проект Ломоносова и экспедиция Чичагова, П., 1854, 150 стр.

VI. ЛИТЕРАТУРА И ЯЗЫК В ТВОРЧЕСТВЕ ЛОМОНОСОВА

Г. А. Гуковский, проф., Русская литература XVIII в., отд. 3 — о Ломоносове, Учпедгиз, 1939, стр. 82—120.

Н. Поспелов и Шабловский, Русская литература, 1939, стр. 115—128 (о Ломоносове).

Д. К. Мотольская, Петр I в поэзии XVIII в., Учен. зап. Ленинградского пед. ин-та им. Герцена, т. XIV, 1938.

И. И. Замотин, Ломоносов как писатель, журн. „Под знаменем марксизма", 1937, № 1, стр. 115—128.

К. Бархин, М. В. Ломоносов, журн. „Литер. критик", 1937, № 2, стр. 108—128.

П. Н. Берков, Ломоносов и литературная полемика его времени (1750—1765), изд. Ак. Н., 1936, 224 стр. См. ниже о литерат. языке — „Изв. Ак. Н.", 1937, № 1, стр. 201 и сл.

XVIII век. Сборник статей и материалов под ред. акад. А. С. Орлова, изд. Ак. Н., 1935 (В нем о Ломоносове статьи С. Н. Чернова, Пумпянского, стр. 83—180).

Ломоносовский сборник, изд. Акад. Н., П., 1911, 354 стр.

Сборник статей о Ломоносове, под ред. Сиповского, П., 1911.

О языке

В. К. Виноградов, проф., Очерки по истории русского литературного языка XVII — XIX вв., 2-е изд., М., 1938, 447 стр.

В. Шелегов, Ломоносов в истории литературного языка, журн. „Литературная учеба", 1936, № 11, стр. 8—30.

Б. Нейман, Лексико-стилистический анализ оды Ломоносова 1747 г., журн. „Русский язык в школе", 1938, № 2, стр. 20—26.

П. Н. Берков, Ломоносов и проблема русского литературного языка в 1740 г., „Изв. Ак. Н." 1937, № 1, стр. 201—234.

Е. В. Матвеева, Из истории русск. грамматики, „Российская грамматика" Ломоносова, „Труды Горьковского пед. института", 1939, т. II, стр. 45—59.

А. Н. Соболевский, Ломоносов в истории русского языка, П., 1911.

А. С. Будилович, Ломоносов как писатель, П., 1871.

А. С. Будилович, Ломоносов как натуралист и филолог, П., 1886.

VII. ЛОМОНОСОВ КАК ИСТОРИК

Б. Д. Греков, акад., Ломоносов — историк, журн. „Историк-марксист"- 1940, № 11, стр. 18—34; (ср. „Деятельность Ломоносова в Академии", „Известия Ак. Н.", 1937, № 1, стр. 195—199).

А. И. Андреев, статьи „Ломоносов и Крашенинников" и „Неизвестные труды Ломоносова по географии, этнографии и истории России", сб. „Ломоносов", изд. Ак. Н., 1940, стр. 286—301.

С. М. Соловьев, Собр. сочин., статья „Писатели русской истории XVIII в. т. III—М. В. Ломоносов", „Обществ. польза", стр. 1350—1356, 1362.

VIII. ОБЩЕСТВЕННО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛОМОНОСОВА

В. Кирпотин, Русская культура, „Большевик", 1938, № 12, стр. 48—49.

„Правда", орган ЦК ВКП(б), передовая статья о Ломоносове, 1936 г. 18 ноября, № 317.

См. выше статью Грекова („Известия Ак. Н." 1937, № 1.)

В. Кузнецов, Очерк истории русской науки, 1940.

Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XXI, История русской общественной мысли, ч. 2, гл. „Ломоносов М. В.". 1925, стр. 137—160; т. II в издании 1919 г. стр. 208 и сл.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

М. В. Клочков М. В. Ломоносов, его жизнь и деятельность
Архангельское издательство Огиз, 1941 г. Индекс Э-1 Изд. № 1050.
Редактор *А. И. Толмачев* Технический редактор и корр. *Н. Ткаченко.*
Сдано в набор 17|V-41 г. Подписано к печати 16|XII-41 г. Формат 60X92|32 Объем 4^{3}|$_{4}$ печ. л., 2^{3}|8 бум. л. 6,126 уч.-изд. л. 43800 зн. в печ. л. Тираж 4000
л. 2093 Цена книги 1 р. 5 коп.

Типография им. Склепина, изд-ва „Правда Севера", Архангельск, пр. Сталинских ударников, 86. Зак. № 58.

цѣна 0-15 коп.

~~1 р. 50 к.~~